

ПРОКУРОР, ВЫ МНЕ БОЛЬШЕ. НЕ МУЖ

АЛЕКСАНДР ВИТАЛЬЕВ

Александр Витальев

Прокурор, вы мне больше не муж

«Автор»

2026

Витальев А.

Прокурор, вы мне больше не муж / А. Витальев — «Автор»,
2026

Два года назад прокурор Антон Карелин промолчал на очной ставке и выбрал должность вместо ее показаний. Теперь после обрушения подземного паркинга Марина Беляева снова входит в его зал суда — уже как независимый эксперт, чье старое дело подменили. Она раскручивает цепочку актов одна, без его защиты и без его имени, пока бывший муж не оказывается перед выбором: повышение или правда, которую она требует публично.

© Витальев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Авария на рассвете	5
Глава 2. Бывший у ограждения	11
Глава 3. Исчезнувшее заключение	19
Глава 4. Лицензия под угрозой	26
Глава 5. Архив без страницы	34
Глава 6. Расчет несущей стены	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Александр Витальев

Прокурор, вы мне больше не муж

Глава 1. Авария на рассвете

Я открыла дверь бюро плечом, потому что руки были заняты: в одной саквояж с двумя рулетками и лазерным дальномером, в другой бумажный пакет с кофе и пять чертежей, перетянутых резинкой. Лена уже сидела за своим столом, и на ее мониторе висела та же фотография, которую я видела утром в новостях: провал паркинга «Северной Короны», бетонная пыль, красная лента оцепления и белый кран, похожий на сломанную иглу. Я повесила каску на крючок у двери, поставила кофе ей и себе, разложила чертежи на длинном столе и сказала:

— Поехали. У нас провал плиты перекрытия, и я хочу знать почему.

Лена подняла голову, не отрываясь от монитора.

— Марина Витальевна, там уже прокуратура.

Я не повела бровью.

— Это не повод не считать.

Она кивнула, сдвинула очки на лоб, открыла чистый лист в таблице и стала заносить первые параметры, которые я продиктовала с фотографий: длина пролета, шаг колонн, толщина плиты, ориентировочный класс арматуры. Я села рядом, открыла свой ноутбук и нашла в архиве старый акт — мой собственный, подписанный два года назад, когда меня позвали на эту стройку независимым экспертом. Номер, дата, печать, подпись — все было на месте. Я открыла соседнюю вкладку: электронный реестр городского архива. Номер тот же, дата выдачи другая, подпись чужая. Я перечитала строку дважды, сверила каждую цифру и положила руки на клавиатуру так, чтобы они не дрожали.

Костя заглянул в дверь с двумя стаканами кофе в руках.

— Ты сказала — едем?

— Едем, — ответила я. — Только сначала объясни мне одну вещь. Если у одной и той же бумаги в реестре стоит дата, которой не было на печати, это подмена или описка?

Костя поставил стакан на стол и посмотрел на экран.

— Подмена, — сказал он коротко. — Описки так не делают.

Я закрыла ноутбук, оставила на столе ключ от бюро и велела Лене продолжать расчеты без меня. Потом взяла каску с крючка, надела, застегнула ремешок и спустилась во двор. У бордюра стояла моя служебная машина, и я села за руль, не убирая каску: я ехала не домой и не в суд, я ехала на руины, где меня уже ждали мои собственные расчеты и мой бывший муж.

Дорога заняла двадцать минут. Я свернула с проспекта, проехала под аркой с названием комплекса и увидела оцепление: три автобуса спасателей, один кран, две машины прокуратуры и одна черная «Камри» с тонированными стеклами. Я остановилась у ограждения, показала служебное удостоверение и прошла под ленту. Бетонная пыль лежала на асфальте, как серый снег, и пахла сыростью и ржавым железом. Возле одной из машин прокуратуры стоял человек, и я узнала его спину раньше, чем он обернулся: пиджак, который он всегда застегивал снизу, и жест, которым он поправлял рукав. Антон Карелин. Мой бывший муж. Городской прокурор. Человек, который два года назад закрыл глаза на то, ради чего я тогда не спала три ночи.

Он обернулся, и мы посмотрели друг на друга без рукопожатия. Я не сняла каску и не опустила взгляд.

— Ты здесь как прокурор или как мой бывший?

— Как прокурор, — ответил он ровно, без улыбки.

Я кивнула и пошла к провалу, а он сделал шаг следом и сказал мне в спину:

— Марина, ты не должна была сюда приезжать без приглашения.

Я остановилась, не оборачиваясь.

— Антон Валерьевич, я здесь по своему старому акту, по которому у меня остались вопросы. Если вам удобно — допросите меня прямо здесь, в пыли. Если неудобно — вызовите повесткой.

Он молчал три удара сердца.

— Заходи за ограждение, — сказал он наконец. — С твоей стороны я ничего не подпишу.

Я зашла, достала из саквояжа рулетку и дальномер и начала замерять первый узел опирания. Антон стоял в трех шагах и смотрел, как я работаю. Я не поднимала глаз. Между нами лежала не только бетонная плита, но и два года молчания, которое он тогда выбрал вместо меня. Сегодня я выбрала дело, а не его, и впервые за долгое время мне стало спокойно от того, что я делаю руками.

Каска давила на лоб привычной тяжестью, и я впервые за утро обрадовалась этой тяжести: пока ремешок застегнут, я не бывшая жена прокурора, я человек с удостоверением и рулеткой. Бетон под ногами был рыхлый, как плохо пропеченный хлеб, и я ступала осторожно, потому что каблук рабочих ботинок скользил по крошке. Первый узел опирания я нашла сразу: плита лежала плашмя, с вырванной арматурой, и торчавшие прутья были гладкие, без ржавчины. Новые. Я присела на корточки, приложила рулетку к пруту, записала в блокнот диаметр и шаг, достала из кармана лупу и посмотрела на маркировку. Класс A240 вместо проектного A500. Я переписала цифры дважды.

— Здравствуйте, Марина Витальевна.

Голос был знакомый, но я не сразу вспомнила, чей. Я подняла голову и увидела молодого мужчину в строительной жилетке, с папкой в руках. Олег Привалов, мой однокурсник, проектировщик этого жилого комплекса. Мы не виделись года три, с тех пор, как он ушел из маленького бюро в крупный девелопер. Сейчас он смотрел на меня так, как будто был рад и одновременно хотел провалиться сквозь эту плиту.

— Здравствуй, Олег, — сказала я, не вставая. — Ты мне расскажешь, почему в проекте A500, а в металле A240?

Он сглотнул. Оглянулся на машину прокуратуры, на черную «Камри», на Антона, который стоял у ограждения и делал вид, что не смотрит в нашу сторону, хотя смотрел именно в нашу.

— Марин, я подписывал журнал работ, не глядя, — сказал он тихо. — Мне сказали, что это формальность, что арматуру поменяли по экономическим соображениям и что все согласовано. Я не проверил. У меня ипотека, у меня сын-астматик, мне сказали, что если я начну задавать вопросы, меня уволят в тот же день.

— Кто сказал?

Он снова оглянулся.

— Не здесь, — сказал он. — У меня дома. Если ты приедешь одна, без камер и без него.

Он не договорил «без него», но кивнул в сторону Антона. Я спрятала блокнот в карман, встала с корточек и отряхнула колени. У меня было ровно три секунды, чтобы решить: взять Привалова сейчас или дать ему уйти и потерять. Я взяла.

— Завтра, девять утра, — сказала я. — Адрес скинешь на рабочую почту. Если к девяти не пришлешь, я звоню тебе как официальному свидетелю и приглашаю повесткой. Ты меня понял?

Он кивнул, сунул мне в руку визитку с логотипом девелопера и пошел к своей машине, не оглядываясь. Я проводила его взглядом и почувствовала, как внутри что-то дрогнуло: первый живой свидетель, который сам хочет говорить, и у него хватит совести бояться. Это было дороже любого подмененного акта.

Антон подошел ко мне, когда я складывала рулетку в саквояж.

— Марина, — сказал он, и я снова услышала в его голосе служебный тон, как натянутую струну. — Кто это был?

Я не подняла глаз.

— Свидетель, — ответила я. — По делу, Антон Валерьевич, только по делу.

— Я не слышал фамилии, — сказал он.

— И не услышишь, — сказала я и захлопнула саквояж. — До тех пор, пока я не решу, что ему нужна защита. А защиту ему дадите вы, если у вас хватит духу пойти против своего наставника. У вас хватит?

Он молчал. Я подняла голову и посмотрела ему в лицо. Он был бледнее, чем утром, и под глазами лежала серая тень. Мне захотелось спросить, спал ли он вообще этой ночью, но я не стала. Это была не моя забота.

— Я подумаю, — сказал он наконец.

— Думайте, — сказала я. — До девяти утра. После девяти я звоню ему сама.

Я прошла мимо него к своей машине. Сзади раздался его голос, и я услышала в нем то, чего не слышала два года: усталость.

— Марина, у тебя каска расстегнута.

Я остановилась. У меня действительно расстегнулся ремешок, и каска сидела криво. Я могла бы застегнуть ее сама. Могла бы не оборачиваться. Я обернулась, посмотрела на него и сказала:

— Спасибо. Я справлюсь.

И застегнула ремешок сама. Когда я села за руль и выехала из-под арки, я посмотрела в зеркало заднего вида. Антон стоял у ограждения и смотрел мне вслед. Впервые за два года он смотрел так, как будто не знал, что скажет мне завтра. И впервые я ему не верила. И впервые от этой неверистости мне стало спокойно. Завтра в девять утра я буду в чужой квартире у чужого мужа, и у меня в сумке будет диктофон, блокнот и мой собственный старый акт. Я завела мотор и поехала в бюро: до закрытия архива оставалось сорок минут, и мне нужно было успеть вытащить копию регистрационного листа.

В бюро было тихо, только Лена стучала по клавиатуре в приемной. Я прошла мимо нее, не снимая каски, и закрыла дверь кабинета на ключ. Саквояж упал на стул, блокнот лег на стол, и я села за компьютер. Я набрала номер Светланы Ким, архивистки, с которой мы когда-то вместе работали над одним мостом через реку Сосновку.

— Света, это Марина Беляева. Мне нужен регистрационный лист по акту осмотра «Северной Короны» за позапрошлый год. Только оригинал, не копия.

Она помолчала. Потом сказала ровным канцелярским голосом:

— По реестру такого дела нет, Марина Витальевна.

— Света, я подписывала тот акт собственной рукой. Я знаю, что он есть. Проверь нижний ярус, секция три, папка четырнадцать. Там должна быть подшивка по паркингу.

Она вздохнула так, что я услышала это через трубку.

— Я ничего не нашла, — сказала она. И после паузы, тише: — У меня внук в том доме живет. Я посмотрю еще раз. Если найду, перезвоню на рабочий.

— Перешли скан на мою личную почту, — сказала я. — С рабочей не надо.

— Поняла, — сказала она и повесила трубку.

Я положила телефон и посидела минуту, не двигаясь. Внук в том доме. Значит, Светлана знала, что дом небезопасен, и молчала. Я открыла нижний ящик стола и достала папку с собственными старыми расчетами по несущей способности плиты перекрытия. Цифры были выцветшие, но мои. Я разложила их на столе, потом открыла ноутбук и начала поднимать из облака черновик расчета, который делала два года назад.

В дверь постучали. Один удар, уверенный и тяжелый. Лена стучит два раза коротко, значит, это не она. Я встала, подошла к двери и открыла.

Антон стоял в коридоре, уже без куртки, в одной рубашке, и пах дождем и своим вечным одеколоном, который я запретила себе узнавать три месяца назад и все равно узнала.

— У меня к тебе служебный разговор, — сказал он.

— Служебный, — повторила я и не посторонилась. — У меня тоже. Светлана Ким из городского архива только что подтвердила, что моего акта в реестре нет. Это значит, что два года назад кто-то его вынул. Это не бытовой брак, Антон Валерьевич, это уголовное дело, которое вы открыли вчера и которое кто-то из вашей вертикали закрыл позавчера.

Он смотрел на меня, и я впервые за два года увидела в его глазах не раздражение, а ту самую усталость, которую слышала утром у ограждения.

— Я не знал, — сказал он.

— Я знаю, — сказала я. — Поэтому я еще разговариваю с вами через порог.

Я хотела закрыть дверь, но он поднял руку, не касаясь косяка.

— Я отказался от должности заместителя, — сказал он.

У меня перехватило дыхание. Я оперлась ладонью о дверной косяк, потому что пол под ногами качнулся.

— Что?

— Сегодня утром Лозинский предложил мне кресло при условии, что дело по обрушению закроют как бытовой брак. Я отказался.

— Зачем?

Он молчал долго, и я видела, как дрожит его кадык.

— Потому что ты бы узнала, — сказал он наконец. — И потому что у меня больше нет права молчать.

Я стояла в дверях своего бюро, в каске, с блокнотом в руке, и не могла ни впустить его, ни захлопнуть дверь. Человек, который два года назад выбрал карьеру вместо меня, сегодня выбрал меня вместо карьеры, и я не знала, что с этим делать.

— Приходи завтра, — сказала я наконец. — В десять, со своим постановлением об отказе от должности и с проектом защиты свидетеля. До завтра я никому не скажу про Привалова. После завтра — посмотрим.

Он кивнул и ушел по коридору, и я слышала, как стучат его ботинки по линолеуму. Я закрыла дверь, села за стол и впервые за два года положила голову на собственные расчеты. Телефон пикинул. Письмо от Светланы. Я открыла почту и увидела скан регистрационного листа с ночной пометкой о замене. Я сохранила файл в трех местах, выключила компьютер и пошла к Лене за кофе.

Я распечатала скан на нашей старой лазерной технике, поставила рядом свой рабочий блокнот с расчетами по несущей способности плиты и достала лупу. Под увеличением стала видна тонкая ночная пометка карандашом: «замена 23:40, исполнено». Почерк я не узнала, но нажим был характерный для человека, который торопился и не хотел, чтобы запись нашли. Я положила рядом два листа — свой рабочий черновик двухлетней давности и подмененный акт, который мне показывали в архиве. Класс арматуры в моей версии был А500С, в подмененной — А400. Разница в цене тонны — почти тридцать процентов, в запасе прочности — минус двадцать пять. Я записала это в блокнот синей ручкой.

Я заварила себе новый кофе и открыла рабочий чат с Костей и Леной. Я коротко объяснила задачу: за трое суток поднять полный расчет несущей способности плиты перекрытия по «Северной Короне», без округлений и без скидок. Лена написала «сделаем», Костя прислал смайлик с каской.

Потом я позвонила Никите. Он взял трубку сразу.

— Маринка, ты опять не ела.

— Никита, мне нужен ты, а не обеды. У меня есть документ, который доказывает подмену акта. Завтра в десять у меня в бюро будет Антон Карелин, бывший, прокурор, человек, который

два года назад закрыл мое дело. Я хочу, чтобы ты пришел к девяти и сел рядом. Не как адвокат, а как свидетель того, что мне когда-то сделали.

— Иду, — сказал он коротко.

— И принеси мне что-нибудь поесть. Именно поесть, а не коньяк.

Он засмеялся тихо и повесил трубку. Я выключила телефон, оставив только стационарный, и села перечитывать собственный рабочий черновик. В дверь постучали. Стук был другой — ровный, два раза, с паузой.

— Открыто, — сказала я.

Дверь открылась. На пороге стоял Кирилл Антонович, отец Антона, в своем вечном твидовом пиджаке, с пакетом, от которого пахло выпечкой и корицей.

— Мариночка, — сказал он, — Света из архива позвонила, сказала, что ты сегодня была у них в неурочный час. Я подумал, что тебе нужно поесть.

Я встала из-за стола и пошла к нему навстречу. Он протянул мне пакет, и я взяла его, чувствуя тепло его ладони сквозь бумагу.

— Спасибо, Кирилл Антонович. Проходите. У меня есть чай, правда, растворимый.

— Растворимый — это не чай, — сказал он строго и сел на стул для посетителей, который Лена поставила у стены на случай проверок. — Но я выпью, потому что ты сегодня работаешь на двух работах, и одна из них — моя.

Я поставила перед ним кружку, села обратно и несколько секунд просто смотрела на него. Он постарел за эти два года, и я впервые подумала, что он тоже заплатил свою цену за молчание сына.

— Кирилл Антонович, мне завтра в десять привезут постановление об отказе от должности заместителя прокурора. Я хочу, чтобы вы знали: я не выпрашивала этого. Ваш сын сделал это сам.

Он посмотрел на меня долгим взглядом, и я увидела в его глазах то, чего не видела в глазах Антона — признание.

— Я знаю, — сказал он. — Он два года назад выбрал не ту дверь и теперь пытается вернуться. Я не буду ему мешать, но и помогать не стану. Это его путь.

— Он принесет с собой проект защиты свидетеля. Если проект нормальный, я подпишу. Если нет — он уйдет ни с чем.

— Справедливо, — сказал он. — Мариночка, у меня для тебя есть кое-что.

Он полез во внутренний карман пиджака и достал сложенный вчетверо лист бумаги. Я развернула его и увидела копию старого решения городского суда по аналогичному делу о подмене экспертиз, вынесенного двенадцать лет назад. Суд тогда прямо указал на ответственность должностного лица, подписавшего подмену.

— Откуда это у вас?

— Я был тогда судьей, — сказал он просто. — Дело вел я. Человека, который подменил документы, посадили, но фамилию заказчика так и не назвали. Мне это решение не давало покоя все эти годы. Я подумал, что сейчас оно может пригодиться.

Я положила лист рядом со своими расчетами и посмотрела на бывшего свекра. Он пил растворимый чай и ждал, что я скажу.

— Спасибо. Это пригодится.

— Мариночка, — сказал он, вставая, — я знаю, что ты завтра будешь решать, прощать его или нет. Я не буду за него просить. Я только хочу, чтобы ты знала: он впервые в жизни позвонил мне сегодня утром и сказал правду о том, что произошло два года назад. Раньше он мне врал. Это была первая правда, которую он мне сказал за долгое время.

Я кивнула, потому что говорить не могла. Он вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь, и я осталась одна со своими расчетами, чужим прецедентом и завтрашним утром, к которому мне еще нужно было дожить.

В дверь снова постучали, на этот раз тихо, два раза коротко. Лена. Я открыла. Она стояла с двумя пластиковыми стаканчиками кофе на вынос.

— Марина Витальевна, Лена сказала, что вы работаете. Я подумала, что вам нужно... ну, кофе.

Это была Дарина, наша стажерка-четверокурсница.

— Спасибо, Дарина. Завтра у нас будет тяжелый день. Мне нужно, чтобы вы к утру подняли все нормативные акты по армированию паркингов, начиная с две тысячи двадцать второго года. Не расчеты, именно нормативы. Хочу видеть формулировки, на которые я буду опираться.

Она часто закивала, записывая в тетрадку. Я смотрела на нее и впервые за день подумала, что бюро — не просто вывеска с моей фамилией. Это живые люди с талантом, которые поверили в меня, когда я сама в себя не верила.

Дарина ушла. Я допила стаканчик, записала в блокнот последний пункт: «завтра в девять — Никита, в десять — Антон». Подчеркнула дважды. Потом добавила третий: купить нормальный чай. Если уж принимать бывшего мужа у себя в бюро, то хотя бы не на растворимой бурде. Я выключила настольную лампу, накинула куртку поверх каски и вышла из кабинета. Лена уже убрала свой стол и оставила мне на лампочке записку: «Марина Витальевна, я завтра к восьми». Я кивнула ее записке, спустилась по лестнице, проверила замок и пошла к машине. До завтрашнего десяти мне оставалось жить одним вечером, и я хотела прожить его на своих ногах.

Глава 2. Бывший у ограждения

Пакет с документами я выложила на стол ровно в полночь, когда в бюро остался только густой запах растворимого кофе и дребезжание старого холодильника в углу. Куртка еще пахла бетонной пылью и его одеколоном, и я повесила ее на стул подальше от себя, как чужую улику.

В папке лежал мой собственный акт по «Северной Короне», тот самый, что я подписывала два года назад дрожащим от простуды пальцем, когда Лозинский еще носил меня на официальные приемы как будущую жену прокурора. Акт был мой, бумага моя, номер мой. Только вместо класса арматуры А500С стоял А240, и подпись под чертежом стояла не моя.

Я перечитала страницу дважды, осторожно провела пальцем по сгибу, нащупала след от лазерного принтера. Бумагу напечатали заново. Штамп отдела стоял криво, как будто его прикладывали уже к готовому документу.

За окном шел мокрый снег. Я включила настольную лампу, и свет вычернил мне руки. В голове гудело одно: кто-то два года назад вытащил мою подпись и подложил чужой чертеж. Это означало, что мое заключение о несущей способности плиты перекрытия в архиве больше не мое. Это означало, что на суде по обрушению паркинга я буду отвечать за чужой расчет.

Я набрала юриста Славу. Трубку он взял сразу, как будто не спал.

— Слава, это я. У меня в руках подмена. В моем же акте, в моем же деле. Мне нужен протокол осмотра документа и запрос в архив о выдаче подлинника. Завтра с утра. Платить буду сама, не предлагай мне бесплатный жест.

Он помолчал, потом коротко спросил:

— Ты понимаешь, кому это предъявишь?

— Понимаю. Именно поэтому звоню тебе.

Я отключилась и сразу набрала Светлану Ким в архив. Голос у нее был хриплый, зимний.

— Света, это Беляева. Подними, пожалуйста, регистрационный лист по акту обследования «Северной Короны» от пятнадцатого октября, дело номер сорок семь. Мне нужна дата регистрации, дата выдачи и кто брал документ последним.

Она выдохнула в трубку.

— Марина Витальевна, у нас внеплановая проверка из области. Мне не положено выносить листы.

— Я не прошу выносить. Я прошу назвать номер страницы, на которой стоит моя подпись. Сделай скан на телефон, я подъеду через двадцать минут и заберу в твоём присутствии.

Я повесила трубку, сунула ноги в ботинки, натянула ту же куртку и тут же стащила обратно. Вместо нее взяла пальто с вешалки. От Антонового одеколона у меня начинало щипать в висках, и я не собиралась сегодня тащить его запах в архив, где лежало мое имя.

В коридоре я столкнулась с Никитой. Брат стоял в пальто, с ключами в руке, и смотрел на меня так, будто уже знал, куда я собралась.

— Маринка, ты опять не ела.

— Никита, я нашла подмену. В моем акте. Чужой чертеж, другая подпись, кривой штамп. Мне нужно в архив.

Он моргнул и опустил ключи обратно в карман.

— Я с тобой.

— Нет. Ты завтра с утра заедешь в суд и поднимешь материалы по гражданским искам жильцов «Северной Короны». Мне нужна фамилия каждого, кто потерял машину в паркинге. Если ты сейчас поедешь со мной, утром у нас не будет ни одной фамилии.

Он сжал мне плечо. Я не скинула его руку, потому что сегодня она была мне нужна.

У двери архива Светлана уже ждала. Она впустила меня через служебный вход, провела мимо дежурного, усадила за свой компьютер и сама встала у двери, как часовой.

Я смотрела на скан регистрационного листа и чувствовала, как у меня холодеют пальцы. Дата выдачи документа стояла пятнадцатое октября. Дата, когда я сдала акт. А дата регистрации в журнале была другая, на сутки позже. И под ней стояла чужая фамилия курсивом.

— Света, у тебя в архиве этот лист подменили, — сказала я тихо. — Или подклеили.

Она закрыла глаза.

— У меня внук в том доме живет, Мариночка. Я тебе эту копию отдаю. Больше у меня ничего нет.

Я аккуратно вытащила телефон, сфотографировала лист, переписала себе в блокнот номер страницы, фамилию и время, убрала телефон обратно и вышла из архива в полной тишине.

В машине я включила печку и положила руки на руль. На пассажирском сиденье лежал мой блокнот, в котором когда-то было расписание ужинов с его матерью. Сейчас там были только цифры классов арматуры.

Я набрала Антона. Не потому что хотела его слышать. Потому что он имел право знать, что я снова вышла на его поле, и на этот раз у меня с собой не характер, а доказательства. Он взял трубку после второго гудка.

— Антон Валерьевич, это Марина Витальевна Беляева, эксперт. Я нашла подмену в собственном акте по «Северной Короне». Завтра с утра у моего юриста будет запрос в окружную прокуратуру. Если вы хотите участвовать в деле как представитель потерпевших, будьте готовы, что я дам показания против вашего наставника.

Я повесила трубку, не дожидаясь ответа, и завела мотор.

Ключ от собственного бюро я вставила в замок с третьей попытки, потому что пальцы плохо гнулись, а зажигалка в кармане заедала на каждом третьем колесике. Дверь открылась с тем сырым выдохом старых батарей, который я за последние два года научилась узнавать по звуку, как чужое дыхание в подъезде.

На столе уже лежала записка от Лены, инженера-архитектора: «Марина Витальевна, я подняла регистры сертификатов на арматуру за два года. Цифры расходятся в одиннадцати случаях. Позвоните до восьми». Я посмотрела на часы. Полночь. Лена не спала и считала чужую подмену вместо меня.

Я повесила пальто, передела ботинки на кроссовки, зажгла настольную лампу и положила на столе три стопки: мои рабочие расчеты по «Северной Короне», копию из архива, которую Светлана отдала со страхом в глазах, и скан регистрационного листа, сделанный на телефон в ее камерке за служебной дверью. На фотографии была видна дата регистрации пятнадцатого октября, а под ней курсивом шла фамилия, которой я в тот день не подписывала. Крупная, с наклоном, как будто человек торопился. И рядом с фамилией стояло время: двадцать три сорок. Я прекрасно помнила, что в это время пила чай с матерью Антона в их кухне, и свекровь ругала меня за бледный вид. Свекровь. Кирилл Антонович тогда тоже был дома и предлагал мне валерьянку.

Я села, открыла свой ноутбук и начала сводить таблицу. Почерк мой, бумага моя, печать архива подлинная. А вот чертеж узла опирания плиты перекрытия был чужой. Я приложила к экрану старый распечатанный чертеж из собственного дела, тот, что хранился у меня дома в папке с надписью «2019, осень, личное». Контур совпадал. Но класс арматуры в основной рабочей позиции стоял другой. У меня был А500С с шагом двести миллиметров. В подмененном листе стоял А240 с шагом триста. Это значит минус тридцать процентов несущей способности при пиковой нагрузке. Это и есть та трещина, из-за которой рухнул паркинг. Моя подпись на чужом расчете.

Стук в дверь был короткий и узнаваемый. Так стучат, когда уже приходили и знают, что внутри горит свет.

Я не встала. Я продолжала смотреть в экран, пока дверь не открылась.

— Марина, ты знаешь, который час.

Антон стоял в коридоре в расстегнутом пальто, без портфеля, с одним телефоном в руке. Без служебного кабинета он выглядел иначе. Уже. Без казенного разворота плеч, без парадной планки в голосе. Просто бывший муж на пороге бывшей жены, который знает код от двери и никак не может отвыкнуть открывать чужие замки.

— Антон Валерьевич, — я не повернула головы. — У меня сейчас ночная смена. Если вы пришли как прокурор, звоните моему юристу и приходите с повесткой. Если как бывший муж, то вход по предварительной записи.

Он закрыл за собой дверь, аккуратно, без щелчка. Подошел к столу и остановился в полутора шагах, чтобы видеть экран, но не дышать мне в висок.

— Слава мне позвонил. Сказал, что ты подняла архив в полночь и попросила запрос на подлинник.

— Слава работает на меня, а не на вас. Я нанимала его сегодня в двадцать три пятнадцать. Если он вам позвонил раньше, чем я успела с ним попрощаться, у меня будет отдельный разговор с ним о конфиденциальности.

— Он не мог не позвонить. Марина, я четыре года был твоим мужем. Я знаю, как ты дышишь, когда находишь чужую подлость. У тебя сейчас азотная ясность.

Я медленно подняла на него глаза. Он был прав, и это было противно.

— Вы знаете, что подпись под измененным чертежом в подмененном акте стоит не моя. Вы знаете, что регистрация в журнале прошла в двадцать три сорок в тот день, когда я пила с вашей матерью чай. Вы знаете, что это значит.

Он сглотнул. Это было видно по кадыку.

— Я узнал об этом двадцать минут назад. До звонка Славы я не видел ни подмененного листа, ни этой даты. Я знал, что старое дело закрыли тихо. Я не знал, что его закрыли через подделку твоей подписи.

— Это разница, Антон Валерьевич, между незнанием и нежеланием знать. Суд решит, какая из двух хуже.

Я повернула ноутбук к нему. На экране висела сводная таблица, где мой чертеж и подмененный лежали рядом, контур к контуру, как две фотографии одного человека в разном возрасте.

— Смотрите. Вот мой узел опирания. Вот подмененный. Разница в классе арматуры и в шаге. Минус тридцать процентов несущей способности. Это и есть та трещина, из-за которой вчера сложился паркинг. Я подписывала расчет с А500С. Акт, по которому вчера погибли люди, был подписан классом А240. Под моей фамилией. Под моей печатью эксперта.

Он сел на соседний стул, не на тот, что стоял ближе ко мне, а на дальний, как будто даже сейчас держал дистанцию по привычке. На нем было пальто, в котором он когда-то приходил к свекрови на воскресные ужины. Я отогнала эту мысль.

— Кто имеет доступ к регистрационному журналу архива?

— Тот, у кого есть ключ от служебного входа и допуск к делу. Это узкий круг. Туда входят вы, ваш наставник Виктор Лозинский, заведующая архивом и еще двое делопроизводителей. И моя бывшая коллега по стройнадзору Светлана Ким, которая двадцать лет молчала и только сегодня отдала мне копию. У нее внук живет в этом доме.

Он побледнел ровно на тон.

— Лозинский знает, что ты нашла подмену?

— Лозинский узнает об этом завтра утром, когда запрос Славы ляжет в окружную прокуратуру. Я дала ему фору в одну ночь. Не потому что любезна. Потому что мне нужно, чтобы он попытался сжечь копию регистрационного листа и попался. Я хочу, чтобы он попытался.

Антон посмотрел на меня так, как смотрел в последний год нашего брака, когда я уходила раньше, чем он успевал надеть маску.

— Ты хочешь использовать меня как наживку.

— Я хочу, чтобы вы подписали рапорт о конфликте интересов и вывели себя из-под наставника до того, как он закроет дело через административный ресурс. Это ваш билет в дело потерпевших, Антон Валерьевич. Не мой.

Он помолчал, и я увидела, как у него дрогнули пальцы на колене.

— Если я подпишу рапорт, мне конец в прокуратуре.

— Если вы не подпишете, конец вашему имени. Это разные вещи.

Он встал, одернул пальто, и я увидела, как он привычно поправляет лацкан, как будто собирается в зал суда.

— Я подпишу.

— Завтра. Не сегодня. Сегодня вы уходите домой и ни с кем не разговариваете. Ни с Лозинским, ни с его дочерью, ни с моим братом. Особенно с моим братом.

Он посмотрел на меня долгим взглядом, от которого у меня всегда холодела переносица, и вышел. Я заперла за ним дверь, повернула ключ дважды и прислонилась к ней спиной. На экране ноутбука все еще висели два чертежа, мой и чужой, похожие как две судьбы, которые разошлись в один день на одной кухне. Я подвинула кресло обратно к столу и открыла новый лист. Сверху написала: «Список того, что мне нужно доказать». Первый пункт я подчеркнула дважды. Потом добавила четвертый: купить нормальный чай. Если уж спасать собственное имя, то хотя бы не на этой горькой бурде.

Телефон в кармане завибрировал, едва я успела открыть входную дверь квартиры. Номер был служебный, прокуратура. Я не сняла куртку, не разулась — стояла в прихожей и смотрела, как мигает зеленый огонек на экране.

— Беляева.

— Марина Витальевна, это помощник прокурора Карелина. Антон Валерьевич просил передать, что будет у вас через сорок минут по неотложному делу. Он просил подготовить копию регистрационного листа, оригинал оставить у себя.

Я медленно опустила телефон, потом подняла обратно.

— Передайте Антону Валерьевичу, что я не принимаю устных поручений. Если ему нужен регистрационный лист, пусть направляет официальный запрос через канцелярию. А оригинал я никому не отдам. Это мой рабочий документ, а не вещественное доказательство. Он станет доказательством после того, как Слава оформит передачу в окружную прокуратуру. До этого момента он лежит в моем сейфе, и я за него отвечаю.

Помощник замялся.

— Марина Витальевна, он сказал, что это вопрос безопасности.

— Безопасности — чьей? Я сегодня узнала, что под моей фамилией два года лежит поддельный акт, из-за которого вчера сложился паркинг. Если Антон Валерьевич переживает за мою безопасность, пусть направит мне охрану через заявление в полицию. Я не обязана впускать бывшего мужа к себе домой в полночь, даже если он при исполнении.

Я повесила трубку и пошла на кухню ставить чайник. Руки у меня не дрожали, но пальцы не слушались — не попадали в кнопку зажигалки, и я чертыхнулась, зажигая газ спичкой.

Через тридцать восемь минут раздался звонок в домофон. Я нажала кнопку, не спрашивая. Он знал код, я знала, что он знает, и весь этот спектакль с дистанцией мог бы продолжаться вечно, если бы не сорок минут междугородной дороги и мое решение не тратить его бензин на пустые ритуалы.

Он вошел в квартиру, не снимая ботинок, и остановился у порога, глядя на мою куртку, висящую на крючке.

— Ты не раздевалась.

— Я не собиралась устраивать прием. Проходи на кухню, там теплее. И если ты собираешься просить меня отдать регистрационный лист, я отвечу заранее — нет.

Он сел за маленький стол у окна, за которым мы когда-то ужинали вдвоем, и я почувствовала, как в груди что-то туго сжалось, не болью, а старой привычкой. Он положил руки на стол ладонями вниз, как кладут показания.

— Лозинский позвонил мне двадцать минут назад.

Я поставила перед ним чашку с чаем, себе налила кофе. Черный, без сахара, как я любила, когда работала ночью.

— И что сказал твой наставник?

— Что в курсе твоего запроса в окружную прокуратуру. Что он рекомендует мне уладить дело в рабочем порядке. Что это будет лучше для всех, включая тебя.

Я отпила кофе. Горечь стояла на языке, и я подумала, что надо было все-таки купить нормальный чай.

— Лозинский уже знает про регистрационный лист? Это быстро. Очень быстро для человека, который якобы не при делах.

— Я ему не звонил. Я не разговаривал с ним с тех пор, как вышел из твоего бюро.

— Тогда кто?

Антон посмотрел мне в глаза, и я впервые за этот вечер увидела в его лице не служебную маску, а усталость.

— Ирина.

Имя упало в тишину кухни, и я поставила чашку на стол, чтобы не разбить.

— Ирина Шеховцова. Твоя, как я понимаю, теперь не совсем бывшая невеста.

— Марина, я не женился на Ирине.

— Это не отменяет того, что она звонит твоему наставнику через двадцать минут после моего звонка моему юристу. У нее в этом здании сидит отец, и у нее есть доступ к информации раньше, чем у официальных лиц. Ты понимаешь, что это значит?

Он сжал челюсть. Я видела, как дрогнула мышца у виска, та самая, которая дрожала, когда он сдерживал злость.

— Ирина мне не невеста. Мы расстались месяц назад.

— Чудесно. Тогда ей тем более незачем знать про регистрационный лист.

Он встал, обошел стол и остановился в шаге от меня. Слишком близко, чтобы это было безопасно, и слишком далеко, чтобы это можно было назвать вторжением.

— Марина, Лозинский предложил мне должность зама. Я ему не ответил. Но он дал мне понять, что если ты не отзовешься заключение, он оформит проверку лицензии твоего бюро через подставное заявление жильцов. И что у тебя дома, возможно, будет обыск по заявлению о хранении документов, не внесенных в реестр.

Я посмотрела на него и впервые за весь вечер почувствовала, как у меня холодеет переносица. Не от страха. От ясной, почти хирургической ненависти к тому, что мой бывший муж принес мне в мою собственную кухню.

— Антон, ты сейчас сидишь на моей кухне и передаешь мне угрозу от своего наставника. Ты понимаешь, как это выглядит?

— Я понимаю, как это выглядит. Я также понимаю, что если я завтра подпишу рапорт о конфликте интересов, Лозинский больше не сможет использовать меня как посредника. Но он может использовать Ирину. Она знает, где я живу. Она знает, где работаешь ты. Она знает код домофона.

— Код домофона ты сам ей дал?

Он промолчал, и этот промолчавший ответ был хуже любого признания.

Я отошла к окну и посмотрела на мокрый двор, в котором горел единственный фонарь. На подоконнике стояла моя старая кружка с надписью «лучшему эксперту», подаренная ребятами из стройнадзора три года назад. Кружка была с трещиной, я так и не выбросила.

— Я сделаю вот что. Я сейчас позвоню Славе и попрошу его подготовить заявление в окружную прокуратуру о воспрепятствовании экспертной деятельности. Я отправлю запрос председателю экспертной комиссии Тамаре Львовне Зеленской с уведомлением о давлении на бюро. Я подам заявление в полицию по факту угрозы. Все три документа уйдут сегодня ночью, под протокол. А завтра в девять утра я буду у тебя в кабинете как свидетель по делу о паркинге. Не как бывшая жена, не как союзница, не как наживка. Как свидетель. И если ты хочешь сохранить остатки своего имени, ты к этому времени уже будешь писать рапорт о конфликте интересов, а не пить чай у меня на кухне и пересказывать мне слова своего наставника.

Я обернулась. Он стоял в полутора шагах, в пальто, в котором приходил к свекрови на воскресные ужины, и у него было лицо человека, который только что понял, что проиграл не партию, а всю игру.

— Уходи, Антон. Через парадное. Код домофона я сменю утром.

Он поставил чашку в раковину, аккуратно, без звука, и пошел к двери. У порога оставился.

— Светлана Ким передала тебе копию.

— Да.

— Она подтвердила, что акт подменяли ночью?

— Она подтвердила, что регистрация прошла в двадцать три сорок. Это написано в регистрационном листе. Я забрала его в полночь.

Он кивнул и вышел. Я заперла за ним оба замка и прошла в комнату, где на столе лежал открытый ноутбук. На экране висели два чертежа, мой и подмененный. Я села в кресло, подвинула к себе телефон и набрала Славе.

Слушай, я делаю три заявления сегодня ночью. По воспрепятствованию, по угрозе и по конфликту интересов наставника Антона. Подготовь шаблоны, я приеду к тебе через двадцать минут. И позвони Никите, пусть будет готов к утру. Они пошли. Все трое.

Телефон лежал у моего уха, пока за окном гас одинокий фонарь. Слава не спал. Его голос с хрипотцой прорвался сквозь шум воды в трубах, и я сразу начала диктовать, не давая ему вставить ни одного вопроса: три заявления, три адресата, ночь на подготовку, утро на подачу.

— Ты уверена, что хочешь отправить это сейчас? — спросил он, когда я закончила. — После такого Лозинский не отступит.

— Он уже не отступает.

— Марина, у нас могут возникнуть проблемы с лицензией.

— У нас уже проблемы. Разница в том, что теперь у меня будут документы.

Я повесила трубку и принялась собирать саквояж. Внутрь легли ноутбук, копия регистрационного листа, два чертежа и смятая пачка бумажных салфеток, которую я машинально бросила в карман куртки. Остановилась у двери, проверила оба замка и сменила код домофона прямо в приложении. Старый код, который Антон когда-то сам выбрал для нашей общей квартиры, перестал действовать.

В подъезде пахло сырой штукатуркой и кошачьим кормом. Я спустилась, не вызывая лифт, и на улице поймала такси. Водитель всю дорогу молчал, а я прижимала саквояж к коленям, будто внутри лежало нечто хрупкое, способное разбиться от одного неверного движения.

В офисе Славы горел только настольный светильник. Он сидел за столом в рубашке с закатанными рукавами и уже выводил заголовки заявлений. Никита приехал через десять минут, без галстука и с папкой, которую положил передо мной.

— Сначала факты, — сказал он. — Кто угрожал?

— Лозинский через Антона. Прямой записи нет.

— Есть свидетель?

— Антон.

— Бывший муж?

— Он был на кухне, когда это передавал. И он сам готов подтвердить.

Слава поднял голову:

— А ты уверена, что он не откажется?

Внутри у меня все сжалось, но я ответила ровно:

— Он не откажется. Он уже слишком много потерял, чтобы врать снова.

Никита не стал спрашивать, что именно потерял Антон. Он открыл папку, достал бланк обращения в полицию и подчеркнул строку о воспрепятствовании законной предпринимательской деятельности. Слава тем временем вставил в заявление ссылку на запись разговора с представителем застройщика. Запись была сделана на диктофон, без предупреждения, в рабочем кабинете, и это могло спасти бюро, если Шеховцов начнет утверждать, что меня просили всего лишь ускорить экспертизу.

— Здесь нужен точный адрес, — сказал Слава. — Ты ведь не была у него в кабинете?

— Была. В старом офисе, на улице Ленина.

— После обрушения?

— До. В тот же день, когда привезли копию акта.

Он посмотрел на меня поверх очков:

— Ты поехала одна?

— Я ездила к нему по его приглашению. Это не означает согласия на его условия.

Никита тихо хмыкнул и записал адрес. Я знала этот взгляд: он хотел спросить, зачем я вообще поехала к Аркадию Шеховцову после всего, что произошло. Но он не спросил. Мы работали.

К полуночи документы были готовы. Слава поставил электронные подписи, Никита проверил формулировки, а я отправила первое заявление в полицию, второе — в окружную прокуратуру, третье — в экспертную комиссию. На экране одна за другой появлялись отметки о доставке.

Именно в этот момент пришло сообщение от Антона: «Я подаю рапорт утром. Не отвечай, если не хочешь. Я просто даю знать, что не перекладываю на тебя последствия».

Я прочитала его дважды. Запах его одеколона, казалось, снова остался на кухне, хотя он ушел. Я закрыла сообщение и положила телефон экраном вниз.

— Он написал? — спросил Никита.

— Написал.

— И что?

— Что подаст рапорт утром.

Слава отложил ручку.

— Это меняет дело.

— Нет, — ответила я. — Это меняет цену.

Мы спустились вниз, потому что в кабинете внезапно стало нечем дышать. Улица встретила холодным ветром и мокрым асфальтом. Никита остановился у машины и достал из кармана ключи, но не спешил открывать дверь.

— Ты не обязана ему верить, — сказал он. — Ты можешь использовать его показания и не давать ему ничего взамен.

— Я знаю.

— И не обязана встречаться.

— Я знаю, Никита.

— Я просто рядом. Не лезу.

Он открыл дверь, а я села на переднее сиденье. В зеркале заднего вида отражалось мое лицо, усталое, напряженное, без привычной маски водителя. Я подумала о том, что Антон впервые за два года не попросил меня поверить ему. Он сообщил о своем решении заранее, будто понимал: между нами теперь не доверие, а только возможность держать слово.

Утром в девять я должна была быть в его кабинете. Я посмотрела на часы и убрала телефон в сумку. Завтрашний разговор станет официальным. Я войду туда как свидетель, с документами, которые нельзя забрать угрозой, и с кодом домофона, который больше не известен бывшему мужу.

Глава 3. Исчезнувшее заключение

Кабинет пах старой бумагой и тем сладковатым канцелярским клеем, который не выветривается даже за ночь. Я положила перед собой ксерокопию акта и оригинал регистрационного листа, который вчера вечером передала мне Светлана Ким, тихо сунув в рукав куртки, словно аптечный рецепт. Кофе в моей кружке давно остыл. Я к нему так и не притронулась: считала не цифры на бетоне, а минуты, в которые кто-то забрал мою подпись и поставил вместо нее чужую.

Мне нужен был не эмоциональный порыв, а бумажный след. Подмена живет в различиях между двумя документами, и я собиралась поймать ее обычной канцелярской лупой, которую купила еще до развода, когда проверяла школьные чертежи племянника. Я наклонилась над столом и медленно повела увеличительным стеклом по печати городского архива. Кривой оттиск. Буква «о» в слове «архитектуры» провалена в левый нижний угол, как будто у того, кто ставил штамп, дрожала рука или он торопился к последнему автобусу. На моем оригинале, который остался в личном архиве и который я подписала два года назад собственной шариковой ручкой, печать стояла ровно, с четким контуром. Чужая рука выдала себя мелочью, на которую в архиве никто не смотрел.

Я перевернула регистрационный лист и нашла ночную пометку. Обычная графа «дата выдачи» в верхнем правом углу была исправлена тонкой шариковой ручкой поверх основной записи: «23:40, 14.03». Основная дата, вписанная фиолетовыми чернилами, значилась 16.00, но поверх нее кто-то аккуратно вывел ночное время. Я поднесла лист к настольной лампе и увидела под тонким слоем правки след более ранней записи, сделанной почти наверняка в спешке: почерк прыгал, нажим уходил в рваные кляксы. Это была не описка. Это была подмена, совершенная одним и тем же человеком, который потом поставил кривую печать и зарегистрировал подложный акт в реестре задним числом.

Телефон завибрировал в ящике стола. Я достала его и увидела сообщение от юриста Славы: «Полиция приняла заявление. Копия в канцелярию ушла. Тамара Львовна в курсе». Я ответила коротко: «Жду подтверждения из окружной», — и убрала телефон обратно. Теперь у меня был не только оригинал и копия, у меня был тайминг. Четырнадцатое марта, ночь. В архиве по ночам дежурит один человек, и я знала его фамилию. Светлана сама рассказала мне это за чаем полгода назад, когда мы вспоминали стройотряд и общежитие на строительном. Она тогда отшутилась: «Я тогда чуть не поседела от ночного дежурства, у меня регистрация заявок до утра шла». И вот именно в ту ночь кто-то сел за ее стол и подменил мой акт. Светлана либо видела и молчала два года, либо не видела ничего, потому что ей подсунули смену в обход графика. Я не хотела верить в первое, потому что Света дала мне копию листа по старой дружбе, значит, она сделала свой выбор сегодня, а не в ту далекую мартовскую ночь.

Я поднялась из-за стола и прошла к окну. Утренний свет падал на крыши соседних домов, на голубей, которые сидели на карнизе архива напротив, на желтую табличку «Архивный отдел» над входом. Город просыпался медленно, водители прогревали машины, а я смотрела на дверь, в которую мне сегодня нужно было войти снова, но уже с официальным запросом на копию для экспертного бюро. Я должна была оформить этот запрос так, чтобы он имел юридическую силу, а не выглядел как каприз бывшей жены прокурора. Я вернулась к столу и открыла шаблон письма, который мы с Леной подготовили еще вчера вечером.

Текст был сухой и точный: «Прошу выдать заверенную копию регистрационного листа № 47/12-н по объекту „Северная Корона“, паркинг, корпус 4, в связи с проведением повторной экспертизы в рамках уголовного дела № 2014-ск. Основание: постановление о назначении экспертизы». Я вписала номер постановления, дату, поставила подпись и приложила копию лицензии бюро. Перечитала письмо дважды, потому что знала цену каждой запятой в таких докумен-

тах. Одна лишняя мягкость в формулировке даст повод отказать под предлогом «неполного пакета». Один пропущенный номер даст повод вернуть без рассмотрения. Я не собиралась давать архиву ни единой щели.

Я достала из нижнего ящика стола печать бюро, синюю, новую, с орлом и моей фамилией под щитом. Я заказала ее полгода назад, когда после развода решила, что у моего имени теперь будет собственный герб. Прижала печать к подушке, выдохнула и поставила оттиск ровно по линейке. На бумаге остался четкий синий след: «Беляева и партнеры. Экспертное бюро». Я положила письмо в канцелярский файл, завязала тесемки и посмотрела на часы. До открытия архива оставалось сорок минут. Я должна была ехать через весь город и хотела попасть к самому началу приема, к окну регистрации первой, пока в зале не накопилась очередь из оценщиков, проектировщиков и нотариусов.

В прихожей бюро я остановилась и посмотрела на вешалку. Рядом с моей курткой висела старая оранжевая каска, которую я не сняла после вчерашнего возвращения с развалин. Машинально проверила ремешок, вспомнив, как Антон заметил расстегнутый замок, застегнула его сама, без его взгляда. Потом надела куртку, взяла файл с письмом и ключи от машины. У двери обернулась и окинула взглядом кабинет: стол, лупа, ксерокопия акта, оригинал регистрационного листа, моя печать, мой остывший кофе. Это была моя территория, и я впервые за два года чувствовала, что стою на ней обеими ногами.

Я вышла на лестницу и спустилась к выходу, неся в руках единственное доказательство того, что мое имя у меня украли ночью, а сегодня утром я намерена потребовать его обратно.

Я остановилась на светофоре в двух кварталах от архива и посмотрела на часы на приборной панели. Семь сорок две. До открытия оставалось восемнадцать минут, и я уже выгадывала минуты, потому что архив в нашем городе работает по странному графику: с девяти до четырех, с обеденным перерывом, во время которого зал просто закрывают на ключ, и очередь вынуждена стоять в коридоре до двух. Я знала это расписание наизусть.

В зеркале заднего вида мелькнула темная машина, серая «Шкода» с тонированными стеклами, которая держалась за мной от поворота на проспекте. Я перестроилась в правый ряд, и «Шкода» тоже сместилась. Сбросила скорость у пешеходного перехода и пропустила бабушку с клюкой, а «Шкода» притормозила за мной. Сердце стукнуло чуть быстрее, но я заставила себя дышать ровно. Если меня действительно ведут, паниковать на перекрестке глупо. Если мерещится, тем более. Я свернула во двор за аптекой, проехала мимо мусорных баков и выехала на параллельную улицу. «Шкода» свернула к автобусной остановке и встала там. Я выдохнула, но руки на руле остались влажными.

У входа в архив уже толпились три человека: пожилая нотариус с кожаной папкой, молодой парень в строительной куртке с каталогом проектов под мышкой и курьер на велосипеде. Я стала четвертой. Нотариус обернулась и поздоровалась: «Марина Витальевна, какими ветрами?» Я узнала в ней Валентину Ивановну Кравцову, с которой мы пересекались на сделках по квартирам в новостройках. «По работе, Валентина Ивановна», — ответила я коротко и поправила файл в руках. Она посмотрела на мою куртку, на которой осталась пыль со вчерашних развалин, и промолчала.

Двери открылись ровно в девять. Мы вошли в прохладный вестибюль, пахнувший старой бумагой и хлоркой. Охранник на входе сверил мой паспорт с журналом и вернул его молча. Я поднялась на второй этаж, в зал регистрации, и сразу увидела Светлану за стойкой. Она сидела за компьютером в синем кардигане, с короткой стрижкой и маленькими очками на цепочке. Наши глаза встретились. Она едва заметно кивнула, опустила взгляд обратно в монитор и продолжила работать.

Я подошла к окну №3, где висела табличка «Прием запросов по экспертизам», и положила на стойку файл с письмом.

— Светлана Петровна, добрый день. Мне нужна заверенная копия регистрационного листа.

Она подняла голову, посмотрела на письмо и сняла очки.

— По какому объекту?

— «Северная Корона», паркинг, корпус четыре.

Ее пальцы зависли над клавиатурой. Я видела, как побелели костяшки.

— Это старый объект. Два года давности.

— Да. Поэтому я и пришла с официальным запросом. Постановление о назначении повторной экспертизы прилагается, номер указан в письме.

Она взяла файл, раскрыла его и начала читать. Я стояла неподвижно и чувствовала, как зал гудит чужими голосами за спиной. Светлана перевернула страницу, увидела печать моего бюро и медленно подняла глаза.

— Марина, ты же понимаешь, что я не могу выдать копию без согласования с начальником отдела.

— Я понимаю. Поэтому письмо адресовано на имя начальника отдела. Но принять запрос у окна обязаны вы.

— Подожди пять минут.

Она поднялась и ушла в коридор за стойкой. Я осталась стоять у окна и не села на свободный стул: сидеть означало бы ждать, а ждать — потерять лицо перед людьми в очереди. Ко мне подошел парень в строительной куртке и встал в соседнее окно, не глядя в мою сторону. Он тоже ждал.

Светлана вернулась через четыре минуты с мужчиной лет пятидесяти в сером костюме. Это был Артур Геннадьевич Мосин, начальник отдела регистрации. Я знала его по комиссии, где мы вместе работали над реестром. Он поздоровался сухо, кивнул на файл и спросил:

— В рамках какого уголовного дела?

— Дело номер двести четырнадцать, следственный отдел, обрушение паркинга. Постановление о назначении повторной строительно-технической экспертизы подписано вчера.

Он надел очки, прочитал письмо дважды, перевернул копию лицензии, посмотрел на печать моего бюро.

— Печать нового образца, — заметил он.

— Да. Бюро зарегистрировано в прошлом году.

Он положил письмо обратно на стойку.

— Запрос принят. Копия будет готова в течение трех рабочих дней, учитывая объем дела и необходимость сверки с реестром.

Три дня. Этого времени у меня не было: суд по аварии мог назначить дату в любой момент.

— Артур Геннадьевич, у меня экспертиза назначена на ближайшую неделю. Я прошу ускорить рассмотрение.

— Основания?

— Уголовное дело. Подмена документа, имеющего отношение к обрушению.

Он замолчал и посмотрел на меня поверх очков.

— Марина Витальевна, если речь идет о подмене, это компетенция следствия, а не архива. Мы выдадим копию в установленный срок.

Я положила ладонь на край стойки.

— Я фиксирую ваш отказ в ускоренном порядке. Прошу выдать мотивированный письменный отказ с указанием ссылки на регламент.

Мосин побледнел. В архиве не любят письменных отказов: они уходят в канцелярию и там остаются навсегда.

— Я не отказываю, — сказал он быстрее, чем следовало. — Я говорю о регламенте. Запрос принят, копия будет в течение трех дней.

— Принят и зарегистрирован?

Он кивнул Светлане. Она открыла журнал регистрации запросов, записала номер письма, дату, время и протянула мне талон. Я взяла талон, посмотрела на номер и поставила свою подпись в графе «получатель». Моя подпись осталась в их журнале. Теперь они не смогут сказать, что запрос не поступал.

Я убрала талон в карман, кивнула и пошла к выходу. У двери оглянулась и увидела, что Светлана смотрит мне вслед. В ее глазах не было страха. Там было облегчение. Я кивнула ей, и она ответила едва заметным движением головы.

На улице я остановилась на ступеньках и посмотрела на серое здание архива с желтой табличкой. Теперь у меня был номер запроса, дата и подпись чиновника. Села в машину, достала телефон и набрала Славе. Он взял трубку после второго гудка.

— Запрос зарегистрирован. Три дня официально, выбила письменный отказ в ускорении.

— Молодец, — сказал он коротко. — У меня окружная прокуратура подтвердила получение жалобы. Тамара Львовна звонила, хочет с тобой встретиться до суда.

— Во сколько?

— В три. У нее в комиссии.

— Буду.

Я положила телефон и на секунду закрыла глаза. Руки дрожали — от злости, не от страха. Три дня, которые мне выгадал чиновник, стоят мне трех дней тишины, в течение которых подмененный акт продолжает лежать в реестре как настоящий. Но талон в кармане куртки был настоящим, и моя подпись в их журнале была настоящей. Это была маленькая победа, и она была моя.

Я завела машину и поехала в бюро. Мне нужно было до трех успеть показать Лене и Косте копию запроса и подготовить материалы для встречи с Тамарой Львовной. До суда оставалось меньше недели, и я намерена была прийти туда с именем, которое у меня украли, и вернуть его себе публично.

Я заехала в бюро через служебный вход и поставила саквояж прямо на стол для совещаний. Внутри лежали копия постановления, запрос в архив, фотографии обрушения и тонкая папка с моими старыми расчетами. Лена уже сидела за ноутбуком, Костя принес из подсобки рулон миллиметровки. Дарина заварила кофе.

— У нас есть три дня, — сказала я. — За это время нужно понять, что именно подменили и когда.

— Я могу сопоставить даты заливки с журналом, — Костя развернул чертеж. — Но нужна копия регистрационного листа.

— Она будет только через три дня.

— Тогда начнем с цифрового реестра, — предложила Лена. — Если дата внесена в журнал позже печати, это уже не наша версия.

Я достала телефон и положила его рядом с чертежом. На экране остался талон с номером запроса. Пришло сообщение от Антона: «Я подал рапорт. Лозинский вызвал меня к себе».

Я прочитала его дважды. Он не просил о встрече и не предлагал помощи. Короткая деловая фраза, после которой оставалось либо ответить, либо удалить чат. Я не удалила.

Костя ткнул пальцем в схему перекрытия.

— Смотрите, здесь класс арматуры А240, а в проекте указан А500С. Если заменили только часть прутков, запас мог упасть ниже допустимого.

— Не «если», — ответила я. — В акте, который лежит в реестре, указан А240.

Дарина перестала звенеть ложкой.

— Но ведь это подделка.

— Да. Именно поэтому нам нужны не эмоции, а доказательства.

Я разложила на столе старые листы. Они сохранились у меня в электронном архиве, но на бумаге исходный вариант выглядел беззащитно: моя подпись в углу, дата, расчет, который я проверяла перед сдачей. Рядом я положила копию, принесенную из архива. Подпись на ней была чуть более наклоненной, печать легла неровно, а номер листа внизу не совпадал с нумерацией.

— Кто мог заменить документ? — спросила Лена.

— Тот, у кого был доступ к реестру и к моему бюро.

В комнате стало тихо. Я не стала продолжать эту мысль вслух. Два года назад он был человеком, который мог открыть дверь моего кабинета, забрать папку и не оставить следов. Сейчас он прислал сообщение о рапорте, но это не стирало вопроса.

Я включила ноутбук и открыла электронную копию акта. Файл не открывался сразу: программа просила обновление сертификата, потом долго проверяла подпись. Костя терпеливо сидел рядом. Лена внесла в таблицу даты бетонных работ, а Дарина нашла в папке журнал входящей корреспонденции.

— Здесь есть запись, — сказала она. — Акт принят в пятницу, хотя печать стоит во вторник.

Я подошла ближе. На копии значилось: «23:40». Это была не дата утверждения, а время внесения в реестр. Значит, документ попал в архив ночью, когда нормальный прием давно закончился.

— Светлана говорила о ночной пометке, — напомнила я. — Теперь у нас есть время.

— Время чего? — спросил Костя.

— Время подмены. Или, как минимум, время внесения фальшивого экземпляра.

Я набрала Светлану. Гудки шли долго. На седьмом она сняла.

— Светлана Юрьевна, это Марина Витальевна. Спасибо, что приняли запрос. Можно уточнить по ночной пометке: она сделана одним почерком или разными?

Тишина. Потом короткий выдох, будто она смотрела на дверь кабинета.

— Разные, — ответила она почти беззвучно. — Верхняя запись моя. Нижняя, ночная, другим почерком. Я ее в реестр не вносила.

— Вы сможете это подтвердить официально?

— Мариночка, я двадцать лет отвечаю за каждую строчку. Мне страшно.

— Понимаю. Зафиксируйте расхождение почерков письменно, от руки, сегодня. Завтра я пришлю курьера за вашим объяснением. Прямо в канцелярию, под регистрацию.

Она снова помолчала.

— Хорошо. Только, пожалуйста, не ставьте мое имя в шапку запроса. Пусть будет просто «сотрудник архива».

— Не поставлю.

Я положила трубку. Руки были холодные. Я достала из ящика чистый лист и быстро записала: «верхняя запись моя», «нижняя другим почерком», «не вносила». Подчеркнула слово «не вносила» дважды. Если Светлана не вносила запись, значит, кто-то вошел в реестр ночью, имея свой ключ и свою цель. Это уже не халатность, это доступ.

В дверь позвонили. Лена вздрогнула, Костя закрыл чертежи, Дарина быстро убрала чашки. Я не стала прятать документы, только задвинула тетрадь под клавиатуру. Блокнот с пометками — моя личная страховка, и ему пока не место в общем деле.

На пороге стоял Антон. Без сопровождения, без служебного удостоверения в руке. Пальто он не снял, под глазами залегли темные тени. Он выглядел так, будто не спал двое суток.

— Я могу войти? — спросил он.

— У тебя есть официальный повод?

— Рапорт принят. Лозинский хочет закрыть дело до передачи в окружную прокуратуру.

— Это новость.

— Он вызвал меня утром. Я отказался закрывать дело.

— Зачем ты пришел?

— Передать это лично.

Он протянул мне копию рапорта. На листе было заявление о конфликте интересов, отказ от должности заместителя городского прокурора и ссылка на мое заключение. Внизу стояла его подпись.

Я прочитала документ до конца.

— Ты отказался от повышения.

— Да.

— Почему?

Антон задержал взгляд на моих руках.

— Потому что я не могу требовать от тебя честности, скрывая собственную.

— Ты два года скрывал не только собственную честность.

— Я знаю.

В комнате снова стало тихо. Дарина смотрела в монитор, Костя кашлянул и вышел к кофемашине. Я подошла к столу и положила рапорт рядом со своими бумагами.

— Это не возвращает мне подпись.

— Нет.

— И не отменяет того, что тебя повысили.

— Нет.

— Тогда что ты хочешь получить этим поступком?

Он ответил не сразу.

— Право работать по делу, не прячась за должность.

— Право мне не принадлежит.

— Я понимаю.

Мне хотелось ударить его этой фразой. «Я понимаю» звучало как новая форма отказа, хотя теперь он действительно рисковал собой. Я видела, как он похудел за несколько дней, как на воротнике пальто остался слабый запах табака, как его взгляд останавливался на моем лице и сразу переходил к бумагам. Он пытался быть осторожным, и это было почти мучительнее прямого натиска.

Я взяла телефон и открыла реестр архива.

— В копии время регистрации 23:40. Печать датирована другим днем. Но у нас нет оригинала.

— Я добьюсь выемки журнала, — сказал Антон.

— Ты не можешь давить на архив.

— Не могу давить. Но могу попросить следствие оформить запрос.

— После того, как ты отказался от повышения?

— Да.

Я посмотрела на рапорт. Его отказ от должности не был подарком мне. Он был публичным признанием, что старая система больше не дает ему права молчать. Но признание не стирало измену. Оно лишь возвращало ему право стоять рядом, не требуя, чтобы я его простила.

— Я подпишу запрос на копирование журнала, — сказала я. — Передадим его через Славу. Ты не будешь приходить сюда без предупреждения.

Антон кивнул.

— Согласен.

— И никаких попыток узнать, что у меня есть до официальной передачи.

— Хорошо.

— И если Лозинский снова позвонит тебе по поводу меня, ты не станешь передавать ему мои слова.

— Не стану.

Он шагнул к выходу, но остановился у двери.

— Марина, я не прошу тебя забыть.

— А я не собираюсь напоминать тебе, что ты сделал.

В его глазах мелькнуло что-то похожее на улыбку, но он не улыбнулся.

— До суда?

— До суда ты Антон Валерьевич. После него посмотрим, заслуживаешь ли ты имени.

Он кивнул и вышел. Я заперла дверь на верхний замок, вернулась к столу и прибавила звук уведомлений. В телефоне появилось сообщение от Светланы: «Запрос принят. Копия листа будет готова завтра. Не уходите из дела». Я перечитала его трижды, затем достала чистый бланк и написала заявление в экспертную комиссию с просьбой заверить копию регистрационного листа, журнал выдачи и сведения о ночной регистрации. Подписала, поставила дату, загрузила скан в рабочую папку и отправила Славе.

Костя вернулся с кофе.

— Что будем делать до завтра?

— Считать.

Я развернула чертеж и провела пальцем по линии армирования. Завтра у меня будет официальная копия, объяснение архивиста и подпись Антона под рапортом. Сегодня мне оставалось одно: доказать, что мое имя стоит не на бумаге, которую подменили, а на каждом расчете, который я готова защищать сама.

Глава 4. Лицензия под угрозой

Ложка остыла в суповой миске, и я вынула ее, вытерла о фартук. За окном бюро шел дождь, мелкий и настойчивый, как проверка, которую жду третью неделю. Я резала марлю для перевязки Дарине: стажерка обожгла руку утром, когда мы доставали из дальнего ящика папку с чертежами по «Северной Короне». Ожог пустячный, красное пятно до запястья, но я приучила себя: в своем доме рану не игнорируют.

— Терпи, — сказала я. — Сейчас холодной воды плесну, потом мазь.

Дверь открылась без стука. В коридоре пахло чужим парфюмом, сладким и настойчивым, как у женщины, которая точно знает, что ее ждут. На пороге стояла Ирина Шеховцова в бежевом плаще, с пакетом из пекарни на запястье и улыбкой, от которой у меня всегда сводило скулы.

— Мариночка, — пропела она. — Я по делу. На минуту.

Я промокнула ожог марлей, сложила ее аккуратным квадратом и только потом выпрямилась.

— Говорите.

Она вошла без приглашения, поставила пакет на край стола, где лежала моя рабочая тетрадь. Из пакета пахло корицей и сливочным маслом, домашним теплом, которое мне сейчас не полагалось.

— Папа переживает, — сказала Ирина. — За тебя. За бюро. Говорит, ты талантливый инженер, и ему жалко, если у тебя начнутся проблемы с лицензией из-за одной старой папки.

Я положила ножницы на край стола, накрыла их чистой салфеткой. Жест мелкий, но она отследила.

— Какие проблемы?

— Проверка, — ответила Ирина легко. — Папа слышал, что кто-то из жильцов написал жалобу в квалификационную комиссию. На старые заключения. Проверка рутинная, но ты же понимаешь, как это бывает. Бумаги, комиссии, время. А у тебя новые контракты. Зачем тебе сейчас лишний шум?

Дарина подняла голову. У нее дрогнули губы, и я увидела, как она пытается не заплакать, и не от ожога.

— Марина Витальевна, — тихо сказала она. — Я могу выйти.

— Сиди, — ответила я. — Это касается и тебя.

Я подошла к столу, взяла пакет из пекарни двумя пальцами и переставила его на подоконник, подальше от рабочих бумаг. Ирина проследила за моими руками, и я заметила, как у нее сузились глаза.

— Мариночка, — сказала она мягче. — Я ведь к тебе по-доброму. Папа готов компенсировать твои неудобства. Крупная сумма, новая работа, чтобы ты закрыла бюро на пару месяцев и не лезла в «Северную Корону». Это не взятка, это забота.

В горле стало горячо. Не от злости, от той ясности, которая приходит, когда человек говорит тебе в лицо, что ты продаешься.

— Ирина, передайте Аркадию Шеховцову, что я не продаю ни старые заключения, ни новые. Если он подаст жалобу жильцов, я приду в комиссию с собственной папкой. Если хочет говорить о деньгах, пусть пишет официальное письмо, я отвечу официальным отказом. Всего доброго.

Она не двинулась. Стояла у стола и смотрела так, будто я ударила ее при ребенке.

— Ты пожалеешь, — сказала тихо, почти по-домашнему. — Антон тоже так думал, когда от тебя уходил. Что ты справишься. А потом пришел к нам.

Я почувствовала, как кровь отливает от лица. Не от имени Антона, от слова «пришел». Оно прозвучало как чужая собственность.

— Дверь за вами.

Ирина вышла. В коридоре снова пахло корицей, и я закрыла дверь на ключ, хотя обычно не закрывала.

Дарина смотрела круглыми глазами, прижимая обожженную руку к груди. Я подошла, села рядом на корточки, достала из ящика тюбик с пантенолом.

— Дай руку, — сказала я. — Будет щипать.

Дарина протянула ладонь, и я наложила мазь ровным слоем, потом накрыла марлей и затянула бинт не туго, как себе, а мягко, как чужому ребенку.

— Промоешь дома холодной водой, — сказала я, закручивая тюбик. — И намажешь тем же пантенолом. Завтра покажешься в поликлинике.

Она кивнула и вдруг прошептала:

— Марина Витальевна, она ведь это не просто так сказала. Про Антона.

Я открыла ящик стола, достала диктофон, на котором утром записывала разговор с посредником по новому контракту. Перемотала пленку, поставила на воспроизведение. Голос Ирины зазвучал в бюро как чужой, и я поймала себя на том, что слушаю его, как слушают диагноз: «компенсация неудобств», «закрыть бюро на пару месяцев», «Антон тоже так думал».

— Записала, — сказала я, выключая диктофон. — Копию отдам Антону Валерьевичу. Копию Тамаре Львовне. Пусть попробуют купить комиссию.

Дарина моргнула, и по ее щеке потекла слеза. Я промокнула чистым бинтом и подумала: если уж чинить, то сразу все, руку, репутацию, свою способность не вздрагивать от чужого парфюма.

Дверь снова открылась, вошла Лена с двумя стаканами кофе и моим старым планшетом, на котором висела бирка «Северная Корона, шифр 4-18».

— Костя звонил, — сказала она, ставя стакан передо мной. — У него по двум узлам опирания расхождение в полтора сантиметра. Это не описка, Марин. Это занижение защитного слоя бетона.

Я взяла кофе, отхлебнула и почувствовала горечь так, как чувствуют новость, которую ждали.

— Готовь второй экземпляр расчета. И копию чертежа. Я повезу обе бумаги Антону Валерьевичу лично, в руки, под подпись.

Лена посмотрела на меня поверх стакана. Мы были вместе шесть лет, она знала, что «Антон Валерьевич» я говорю только когда не могу сказать «Антон».

— Ты уверена?

— Нет. Но я подпишу.

Я достала из сейфа копию регистрационного листа, ту самую, что мне передала Светлана Ким. Лист был мятый по сгибу, как передают вещи, которые нельзя ровно сложить в чужом кабинете. Положила его рядом с расшифровкой диктофона, сверху новый расчет Кости, сверху копию чертежа. Три листа, три доказательства, одна стопка. Если хоть один пропадет по дороге в прокуратуру, останется два.

Телефон на столе коротко звякнул. Смс от Никиты: «Маринка, у тебя тут журналисты из «Строительного надзора». Говорят, ты давала комментарий по обрушению. Ты давала?» Я набрала ответ: «Нет. Не открывай дверь, я еду сама». И подумала, что если уж меня сегодня топят с двух сторон, то хотя бы с третьей стороны я встану сама.

Дарина подняла голову. У нее под бинтом розовела кожа, и я снова почувствовала, что в моем бюро слишком много чужих ран.

— Дарина, — сказала я. — Ты послезавтра едешь на объект с Костей. В Кудрово, школа. Будешь снимать замеры сама, без меня. Справишься?

Она выпрямилась. Глаза мокрые, но спина уже ровная.

— Справлюсь, — сказала она. — Марина Витальевна, я все перепроверю три раза.

Я кивнула, и в эту секунду в коридоре раздался знакомый голос, негромкий и точный, как линейка.

— Марина Витальевна, выйдите на минуту.

Антон стоял у двери, без пальто, в одной рубашке с закатанными рукавами, и папка у него под мышкой была тонкая, почти пустая. Он не смотрел на Иринин пакет на подоконнике, но я видела, как у него дернулась скула, когда запах корицы дошел до него.

— Я не к вам, — сказал он, не здороваясь. — Я к вашему юристу. Слава у себя?

— У себя. Но сначала подпись под тремя листами, Антон Валерьевич. Или мы разговариваем через стекло.

Он переступил порог, сел на стул напротив меня, положил папку на колени. Я заметила, что у него коротко обрезаны ногти, и почему-то именно это вернуло меня в нашу общую кухню, где он всегда стриг ногти по понедельникам.

— Подписывайте, — сказала я и пододвинула ему лист.

Он взял ручку, наши пальцы не соприкоснулись, хотя расстояние было в полсантиметра. Прочел первую строку, на секунду остановилось дыхание, и он поставил подпись, ровную, твердую, без наклона, как ставят подписи люди, которые знают, что их будут сравнивать с экспертизой.

— Я подаю рапорт утром, — сказал он, не поднимая глаз. — Как обещал.

— Я знаю. Слава проводит вас.

Он встал, и в этот момент Дарина, забывшись, дернула обожженной рукой, бинт сполз, и Антон посмотрел на нее так, как смотрят на чужого ребенка, которому больно. Потом перевел взгляд на меня, и я впервые за два дня увидела в его лице не служебный тон, а просьбу.

— Марина, — сказал он тихо.

— В коридоре, — ответила я. — Не здесь.

И я сама открыла дверь, чтобы он вышел, и сама закрыла ее за ним, и сама осталась стоять спиной к Дарине, пока не выровняла дыхание.

В коридоре было узко, и я чувствовала спиной стену, хотя до нее оставалось еще полшага. Антон стоял напротив, без папки, без ручки в руках, и я впервые видела его без служебной корочки на столе, которая всегда стояла между нами, как третий человек.

— Ты записала разговор, — сказал он тихо.

— Записала. И Ирину, и посредника. У меня два диктофона, копия у Славы.

— Марина.

— Антон Валерьевич. Мы не в кабинете, мы в коридоре моего бюро, и через стену сидит Дарина с обожженной рукой. Говори по делу или уходи.

Он провел ладонью по лицу, и я увидела, как у него дрогнули пальцы, не от холода, от усталости. Я знала эту дрожь, видела ее утром, когда он сидел на моей кухне, и два года назад, когда он впервые пришел домой в три часа ночи в пальто, в котором был у свекрови.

— Я знаю, что ты слышала про Ирину, — сказал он. — Я хочу сказать сам.

Я прислонилась к стене и скрестила руки. Это была моя поза, когда я не хотела отвечать.

— Слушаю.

— Мы расстались месяц назад. Это было мое решение. Я не женился на ней. Я никогда на ней не был женат. То, что ты слышала в коридоре суда и в редакции, это неправда. Я не ношу ее кольцо и не давал своего.

Я молчала. В коридоре пахло кофе и бинтом, и где-то за стеной Слава диктовал номер факса, и цифры звучали как удары маленького молотка.

— Зачем ты говоришь мне это сейчас?

— Потому что ты слышала это от женщины, которая сегодня пыталась тебя уничтожить. И потому что ты не спросила. Я знаю, что не спросишь. Я сам скажу.

Я посмотрела на его руки. Они висели вдоль тела, и я видела, что он не знает, куда их деть. Раньше убирал в карманы, но пиджак остался в кабинете Славы.

— Допустим, — сказала я наконец. — Допустим, ты не женился. Это ничего не меняет. Два года назад ты молчал на очной ставке, и это сделало мою подпись ненужной. Ты сделал мою работу ненужной. Ты сделал меня ненужной в моем собственном деле. Это не кольцо, Антон. Это хуже кольца.

Он кивнул. Один раз, коротко.

— Я знаю. Я подаю рапорт утром. Я отказываюсь от должности зама. Я не прошу прощения. Я говорю, что это факт.

— Хорошо, что ты говоришь это как факт, — сказала я. — Прощение не слова.

Мы стояли в коридоре, и я чувствовала, как между нами снова появляется та пустота, которая заполняется не нежностью, а правилами. Я сделала шаг к двери бюро и остановилась.

— Завтра в девять утра я приду к тебе как свидетель. Принесу копию регистрационного листа и расчет Кости. Не дам протокол раньше, чем ты подпишешь рапорт. Слава зафиксирует передачу.

— Хорошо.

— Если послезавтра твоя подпись не ляжет на рапорт, я отзову регистрационный лист и передам его Тамаре Львовне напрямую.

— Я понимаю.

— И если Ирина Шеховцова еще раз появится в моем бюро, я вызову полицию и запишу каждого охранника.

Он посмотрел на меня так, как смотрят на человека, который только что спас им жизнь и не взял за это ничего.

— Марина, — сказал он. — Спасибо, что ты меня не выгнала.

— Я тебя не выгоняла. Я тебя не пускала. Это разные вещи.

Я открыла дверь, и в кабинете Дарина уже стояла у моего стола, перебинтованная, с двумя стаканами кофе, и в руках у нее был телефон, на экране которого мигал непрочитанный вызов от Никиты. Я взяла стакан, отхлебнула горький кофе и посмотрела на часы. До девяти утра оставалось одиннадцать часов, и я знала, что не засну.

Стук в дверь был тихий, условный, два коротких и один длинный, как стучат свои. Я открыла. На пороге стоял Никита, без куртки, в одной футболке, с пакетом из маминой кухни, от которого пахло пирожками с капустой.

— Маринка, — сказал он с порога, — журналисты уехали, я их не пустил. Ты почему не ела?

— Потому что меня сегодня травил корицей, — сказала я, забирая пакет. — Заходи.

Он вошел, сел на край стула, посмотрел на Дарину, на ее перебинтованную руку, на диктофон на столе, и я увидела, как у него сжались скулы.

— Это Ирина? — спросил он.

— Это Ирина, — сказала я. — И посредник по контракту. И запись разговора с Лозинским, на которой он угрожает лицензией. Три пленки, три копии, одна у Славы.

Никита кивнул, открыл пакет и положил на стол три пирожка, завернутых в пергамент.

— Ешь, — сказал он. — И рассказывай.

Я взяла пирожок, откусила и почувствовала вкус, который узнала как свой, мамина кухня, школьное утро, кухонный стол, за которым меня никто не учил продаваться.

— Завтра в девять я иду к Антону с тремя листами, — сказала я с набитым ртом. — Он подписывает рапорт об отказе от должности зама и о невозможности работать под началом

Лозинского. Я отдаю ему копию регистрационного листа и расчет Кости. Если не подпишет, регистрационный лист уходит Тамаре Львовне.

— А если подпишет?

— Тогда я возвращаюсь сюда, подписываю акт по школе в Кудрово, звоню Олегу, запрещаю открывать дверь всем кроме меня и Гросса, и везу Сережу Тамаре Львовне. В три дня я начинаю давать показания в окружной, с Гроссом и Олегом, по делу Привалова. Потом суд.

Никита посмотрел на меня поверх стакана с остывшим кофе, который он взял у Дарины.

— Ты справишься, — сказал он.

— Я знаю, — ответила я. — Поэтому и ем твои пирожки.

Дарина подняла голову, и я увидела, что у нее порозовели щеки. Она посмотрела на меня, на диктофон, на пирожок в моей руке, и я поняла, что она впервые видит, как человек ест после того, как его пытались купить.

— Дарина, — сказала я, — завтра утром ты придешь к восьми. Мы будем готовить материалы для окружной. Все тридцать две папки, постранично, с описью. Справишься?

Никита допил кофе, поставил стакан и встал.

— Я поехал, — сказал он. — Если Лозинский позвонит, я ему отвечу, что у тебя обед.

— У меня не обед, — сказала я. — У меня пирожок.

— Это одно и то же, — ответил он и вышел.

Я закрыла за ним дверь, повернулась к столу, дописала в рабочем журнале последнюю строчку: «Ирина Шеховцова, 14:05, попытка подкупа, диктофонная запись, копия у Славы». Подчеркнула слово «попытка» дважды. Почерк у меня всегда ровный, и это спасало, когда внутри все ходило ходуном.

Дарина собрала стаканы, вымыла их в маленькой раковине в углу, вернулась и села рядом.

— Марина Витальевна, — сказала она тихо. — А если завтра он не подпишет?

Звонок раздался в пятнадцать ноль две, и я уже знала, чей он, потому что в городе осталось ровно два человека, которые могли набрать меня в середине дня, зная, что я не возьму трубку, и все равно набрать.

Я взяла.

— Слушаю, — сказала я.

— Марина Витальевна, — голос Тамары Львовны был сухим, без вчерашней жалости. — Я в приемной областной. Лозинский внес меня в протокол как лицо, привлеченное к проверке квалификации со стороны комиссии. Я обязана подписать, иначе меня выведут из процедуры.

— Что он хочет?

— Чтобы я подтвердила, что ваше образование 2013 года не соответствует новому профессиональному стандарту 2024 года. Там появились два раздела: огнестойкость узлов и динамика продавливания плит. Я не подтверждаю, я их не преподаю, но формально комиссия обязана проверить.

Я закрыла глаза на секунду. Открыла.

— Тамара Львовна, что требуется от меня.

— Чтобы вы до пяти вечера привезли мне копию приложения к диплому с перечнем дисциплин и копию журнала повышения квалификации за 2023 и 2024 годы. У вас оба документа есть в личном деле, я помню, вы носили их в прозрачной пластиковой папке, я сама подписывала вам направление на курсы.

— Я привезу.

— И вызовите мне Олега Привалова. Лозинский заявил, что Олег сегодня в пять будет в архиве в порядке плановой проверки подписей, и я обязана присутствовать, иначе меня выведут из процедуры. Я хочу, чтобы там были вы и ваш адвокат.

— Гросса я беру.

— И если в пять в архиве появится еще кто-то, кроме меня и вас, я уйду. И пусть протокол остается пустым.

Я повесила трубку, посмотрела на Дарину, на ее перебинтованную руку, на пирожок в руке.

— Дарина, — сказала я. — Ключ от сейфа в верхнем ящике стола, код два шесть три один. Достаньте пластиковую папку с моими дипломами, она внизу справа. Журнал повышения квалификации за 2023 год у Кости, за 2024 год у меня на флешке. Соберите в один файл, в двух экземплярах, копии через копирку. У вас есть сорок минут.

Она встала, забыв про ожог, и пошла к сейфу. Я набрала Гросса, гудок, второй, третий.

— Гросс, — голос его был тяжелым, после обеда.

— Адвокат Гросс, я Марина Беляева, бюро «Беляева и партнеры». В пять часов вам нужно быть в городском архиве, второй этаж, зал регистрации. Тамара Львовна Зеленская будет там как представитель квалификационной комиссии, я как независимый эксперт. Лозинский заявил плановую проверку подписей Олега Привалова. Если в зале будет кто-то третий, кроме нас четверых, вы вызываете полицию и фиксируете.

— Свидетели?

— Я и Тамара Львовна. Олег будет там, я его везу.

— Я буду в четыре тридцать. Если не успею, мне пришлют замену, я предупрежу секретаря.

Я повесила трубку, вернулась к окну, пересчитала ступени до двери архива в голове. Лестница длинная, без перил, два пролета. Внизу всегда сидит охранник, и он пропускает по списку, и в списке должны быть только четыре фамилии.

К четырнадцати сорок я имела на руках две стопки по семь листов, сшитые, пронумерованные, с копией приложения к диплому, с копией журнала за 2023 год, с распечаткой флешки за 2024 год. Олег ждал меня внизу, в пальто с чужого плеча, бледный, без Сережи, с тем же ожогом от веревки на запястье.

— Сережу сдали? — спросила я.

— У Тамары Львовны, — сказал он. — Она приехала в двенадцать, сказала, что у нее в доме есть кот и каша с клубникой.

Я ничего не сказала. Мы сели в машину, поехали по короткой дороге через Лиговский, через вокзальную площадь, через переулочек с трамвайной линией. Я не включала музыку, не рассказывала Олегу, что говорил Гросс, не спрашивала, что с ним делали эти двое в куртках.

— Марина Витальевна, — сказал Олег, когда мы свернули на набережную. — Когда Лозинский звонил два года назад и просил подписать изменение в чертежах по паркингу, он сказал, что изменение согласовано со службой заказчика и что разницу мне оплатят отдельным счетом. Счета я так и не получил. Я подписал журнал не глядя, потому что звонил человек, которого мой отец называл по имени в нашем доме за ужином.

Я молчала. Река была мутной, медленной, с желтыми листьями у берега.

— Я сегодня подпишу показания под протокол, — сказал он. — Если вы хотите, чтобы я написал в показаниях, что звонил Лозинский, я напишу. Я устал бояться Сережу.

Я остановила машину у входа в архив. Охранник посмотрел на список, на нас.

— Проходите, — сказал он. — Зал регистрации на втором этаже, левое крыло, дверь с табличкой «по предварительной записи».

Мы поднялись. В зале уже сидели Гросс, в темном костюме, без портфеля, только с телефоном и кожаной папкой, и Тамара Львовна, в темном жакете, без шарфа, с блокнотом в руке. На столе стоял графин с водой, и от него пахло свежим лимоном, и я поняла, что эту воду принесла Тамара Львовна.

— Садитесь, — сказала она. — Лозинский в соседнем кабинете, с Северовым и Горюновой. К нам выйдут, когда внесут в протокол.

Я села, положила перед Гроссом стопку из семи листов, вторую стопку положила перед Тамарой Львовной.

— Это мое образование, — сказала я. — Я вам не препятствую, я подтверждаю квалификацию документами. Если протокол будет составлен без этих листов, я его не подпишу.

Тамара Львовна взяла стопку, посмотрела на первый лист, на копию приложения, на копию журнала, на мою подпись внизу каждого листа.

— Маринка, — сказала она тихо. — Я вижу, что вы носили эту папку в прокуратуру, в суд, в архив, к замминистра. Я вижу, что вы не забыли дисциплины 2023 и 2024 годов.

Я ничего не сказала. Я не стала говорить, что я носила эту папку потому, что Тамара Львовна в 2013 году сказала мне, что инженер без приложения к диплому это не инженер, а человек с корочкой.

В зал вошел Лозинский, в светлом костюме, без папки, в сопровождении Северова с журналом в руках и Горюновой с планшетом. Увидел меня, увидел Олега, увидел Гросса, увидел Тамару Львовну с моей стопкой в руках. Ничего не сказал.

Сел напротив.

— Марина Витальевна, — сказал он. — В протоколе проверки квалификации независимого эксперта Беляевой М. В. зафиксировано, что приложение к диплому от 2013 года не содержит дисциплин «Огнестойкость узлов сопряжения» и «Динамика продавливания плит перекрытия», введенных в профессиональный стандарт 2024 года. Для подтверждения квалификации комиссия просит эксперта представить документы о повышении квалификации по указанным дисциплинам за период с 2023 по 2024 годы.

— Виктор Алексеевич, — сказала я. — Я представляю документы о повышении квалификации по дисциплинам «Огнестойкость узлов сопряжения» и «Динамика продавливания плит перекрытия» за 2023 и 2024 годы. Копии в сшитом виде, два экземпляра. Прошу приложить к протоколу проверки.

Лозинский посмотрел на Тамару Львовну. Она положила перед ним вторую стопку.

— Я подтверждаю, — сказала она. — Курсы проведены на базе университета, в объеме, установленном стандартом. У меня есть подписи преподавателей в журнале, я их сверяла лично.

Лозинский взял стопку, открыл первый лист, перевернул.

— Хорошо, — сказал он. — Горюнова, внесите в протокол, что документы представлены в полном объеме, замечаний нет. Переходим к проверке подписей.

Горюнова записала. Я перевела взгляд на Олега. Он сидел бледный, без пиджака, в одной рубашке, и пуговица у воротника была расстегнута.

— Олег Вадимович, — сказал Лозинский. — Просим вас подтвердить подлинность подписи в журнале работ по паркингу жилого комплекса «Северная Корона» от 18 декабря.

Олег посмотрел на меня. Я не кивнула, потому что кивок в этой комнате уже значил слишком много. Я посмотрела ему в глаза и сказала:

— Олег, прежде чем подтвердить подпись, вы имеете право ознакомиться с копией документа, на котором она стоит, и с самим журналом.

Гросс открыл кожаную папку, вынул фотографию страницы журнала, протянул Олегу.

— Эта подпись, — сказал Олег тихо, — похожа на мою. Но я подписывал журнал не 18 декабря. Я подписывал журнал 11 декабря, в кабинете генподрядчика, в присутствии представителя заказчика. После подписи мне вернули журнал, я унес его на стройку. 18 декабря я не был на стройке. Я был в больнице с сыном, у Сережи был приступ.

Лозинский не ответил. Он посмотрел на Северова. Северов не ответил. Горюнова замерла с планшетом.

— Прошу внести в протокол, — сказал Гросс, — что подпись от 18 декабря в журнале работ по паркингу подтверждена Олегом Приваловым условно, с указанием на расхождение даты и места подписания. Подпись требует почерковедческой экспертизы.

Горюнова записала.

Я встала.

— Я ухожу, — сказала я. — Мои документы в протоколе, замечаний нет, прошу копию протокола направить в бюро до конца рабочего дня.

— Марина Витальевна, — сказал Лозинский.

Я остановилась.

— Я не подпишу протокол без моей копии, — сказала я. — Это мое право, и я им воспользуюсь.

Лозинский кивнул.

Гросс вышел со мной в коридор. Олег ждал у двери. Тамара Львовна вышла через минуту, в жакете, без блокнота, и пахла она корицей, и я поняла, что это пирожок из пакета Ирины Шеховцовой, который я ей так и не отдала.

— Маринка, — сказала она. — Ты молодец.

— Спасибо, — сказала я. — За все.

Мы спустились по лестнице. Охранник сделал пометку в списке, что в зале регистрации при проверке подписей присутствовали четыре человека, и больше никого. Я взяла копию этой пометки, потому что в этой пометке было подтверждение, что меня там не травили при свидетелях.

Я села в машину, положила руки на руль. Олег сел рядом, молчал.

— Марина Витальевна, — сказал он тихо, — я сегодня написал в показаниях, что звонил Виктор Алексеевич.

Я кивнула.

— Я отвезу вас домой, — сказала я. — И вы сегодня ночуете у меня, потому что в вашей квартире вторые сутки стоит машина без номеров, а у меня замок в порядке и чайник чистый.

Я посмотрела на нее, на ее перебинтованную руку, на диктофон, на пакет из пекарни, от которого все еще пахло корицей.

— Тогда мы поедem к Тамаре Львовне без него, — сказала я. — И регистрационный лист ляжет на стол комиссии. А его подпись или не подпись это уже не моя проблема. Это его выбор.

Я открыла окно, и холодный воздух ударил по лицу. Дождь зашептал по жестяному отливу, и я подумала, что если уж меня травить, то хотя бы не сладким. За окном, у третьего фонаря, стояла серая машина без номеров, и водитель курил, и я отвернулась, потому что у меня было одиннадцать часов, три пирожка и одна подпись, которую я либо получу завтра, либо нет.

Глава 5. Архив без страницы

Утро началось с пропавшего ключа от архивного сейфа. Обычно он лежал в верхнем ящике стола, под синей папкой с лицензиями, но ящик оказался пуст, а Слава уже ждал у двери с подписанным договором на новую экспертизу. Я перерыла приемную, заглянула под стол, проверила карман куртки. Ключ нашелся в цветочном горшке на подоконнике — его туда положила Дарина, когда протирала пыль. Мелочь, из которой не строят карьеру, но внутри что-то сжалось: я не контролирую даже ключ от собственного бюро.

В кабинете пахло кофе и остывшим бетоном с фотографий обрушения. Лена сидела над расчетами несущей способности, Костя разложил на столе фрагменты арматуры разного класса и методично подписывал бирки. Слава положил передо мной свежий запрос из лицензирующего органа — проверка старых заключений, инициированная «в связи с обращением заинтересованных лиц». Я перечитала формулировку трижды. Это был не запрос, это был прицел.

Костя поднял голову от бирок.

— Марина Витальевна, я посчитал защитный слой бетона по двум узлам опирания. Расхождение с проектом — полтора сантиметра. Это критично?

Я села рядом, забрала у него штангенциркуль, сама перемерила. Полтора. Не миллиметра, не описка — полтора сантиметра, на которых строится весь расчет на долговечность.

— Критично. Запиши это отдельно, со схемой узла и фотографиями. Это второе независимое доказательство после класса арматуры.

Слава наклонился над моим плечом и тихо сказал:

— Запрос пришел с сопроводительным письмом от Виктора Лозинского. Не тайно. Прямо на бланке зама. Он не скрывается. Это давление.

— Я вижу. Чего он хочет?

— Формально — проверить наши старые заключения. Фактически — найти основание для отзыва лицензии. У них есть полгода.

Я закрыла папку с запросом, положила ее в сейф рядом с диктофоном и регистрационным листом от Светланы. Ключ повернулся в замке с тихим щелчком.

— Не найдет. У нас чистые расчеты.

В дверь позвонили. Лена пошла открывать, и я услышала в коридоре голос Никиты. Он приехал раньше, чем мы договаривались, и в руках у него была тонкая папка без логотипа.

— Маринка, у бюро стоит журналист из «Строительного надзора». Спрашивает, правда ли, что ты дашь комментарий по обрушению «Северной Короны». Откуда он вообще взялся?

Я взяла у него папку, открыла. Внутри лежала копия того самого запроса из лицензирующего органа с пометкой «для служебного пользования» и стикером: «Источник утечки — приемная Лозинского».

— Никита, ты понимаешь, что это означает?

— Что Лозинский сам слил информацию журналисту, чтобы создать публичное давление?

— Что у нас есть документ, подтверждающий его интерес к делу, и человек, который готов это подтвердить.

Никита сел на стул для посетителей, положил ногу на ногу.

— Маринка, ты понимаешь, что это ядерная кнопка? Если ты используешь это против Лозинского, он тебя размажет. Он заместитель прокурора области. У него такие связи, что нам с тобой даже лицензию не продлят.

— У меня нет кнопки. У меня есть работа. И у меня есть завтра допрос в прокуратуре в девять утра.

Никита посмотрел на меня долгим взглядом младшего брата, который давно перестал спорить с тем, что старшая сестра всегда права.

— Ты пойдешь туда как свидетель?

— Одна, с Леной и Костей. Они поедут как мои помощники, у них есть допуск. В кабинет не входят. Ждут в коридоре.

— А Антон?

Я закрыла сейф, повернула ключ, положила его обратно в верхний ящик. Не в горшок, а туда, где он должен лежать.

— Антон будет вести допрос как прокурор. Я буду отвечать как свидетель. На «ты» мы не перейдем. Если он попробует — я остановлю допрос сама.

— Я могу пойти с тобой. Как адвокат. Не буду лезть в процесс, но буду рядом.

— Нет. Если ты зайдешь в кабинет прокуратуры, это будет выглядеть так, будто мне нужен адвокат. Будто я боюсь.

— Ты не боишься?

За окном начинал накрапывать дождь, первый осенний, холодный и нетерпеливый. На подоконнике лежал пакет из пекарни, оставленный Ириной, и от него пахло корицей — сладко, назойливо, как чужой успех.

— Боюсь. Но пойду.

Никита обернулся от окна, посмотрел на меня так, как смотрел в детстве, когда я возвращалась из школы с разбитой коленкой и говорила, что все в порядке.

— Тогда я буду ждать тебя внизу. В машине. С термосом и нормальным чаем.

Зазвонил телефон. Я посмотрела на номер. Прокуратура.

— Марина Витальевна Беляева?

— Слушаю.

— Вас вызывают на допрос завтра в девять утра по уголовному делу, возбужденному по факту обрушения паркинга жилого комплекса «Северная Корона». Допрос проводит старший следователь прокуратуры Карелин Антон Валерьевич. При себе иметь паспорт и документы, относящиеся к делу.

— Принято.

Я положила трубку. Лена перестала стучать по клавишам.

— Марина Витальевна, если вас вызывают официально, это статус свидетеля. Вы имеете право прийти с адвокатом.

— У меня есть вы оба. Лена, Костя. Вы поедете со мной как мои помощники, у вас есть допуск. В кабинет не входите. Ждете в коридоре.

Слава сел напротив.

— Марина Витальевна, я обязан спросить. Антон Валерьевич будет вести допрос. Вы с ним в разводе два года. Если он попробует давить лично, я имею право остановить процесс и подать жалобу.

— Он будет давить процессуально. На «ты» мы не перейдем. Если попробует — я остановлю допрос сама. Мне не нужен адвокат, чтобы сказать «Антон Валерьевич».

Слава кивнул и вышел. В коридоре пахло его сигаретами, и я подумала, что за стеной в прокуратуре сейчас сидит человек, который когда-то носил мою фамилию, а завтра будет задавать мне вопросы по протоколу.

Я достала из сейфа диктофон. Кассета с утренним разговором посредника застройщика лежала в левом кармане, кассета с Ириной — в правом. Я перемотала пленку, поставила метку и убрала обратно. Завтра в девять у меня будет две пленки и три листа бумаги. Регистрационный лист от Светланы Ким. Расшифровка записи с Ириной. Новый расчет Кости по двум узлам опирания. Я подпишу их в кабинете прокуратуры и оставлю там как доказательства.

Антон примет их, потому что у него нет выбора. У него есть только рапорт, который он обещал подать утром.

Никита приехал в восемь вечера. Позвонил в дверь тихо, кулаком. Я открыла, он вошел, снял ботинки у порога, поставил на тумбочку пакет с термосом.

— Маринка, я буду внизу. В машине. Если ты выйдешь из прокуратуры раньше девяти тридцати, я поднимусь.

— Я выйду вовремя.

— Ты всегда так говоришь.

— Я всегда так делаю.

Он кивнул на пакет из пекарни на подоконнике.

— Это от Ирины?

— Утром приходила.

— Записала?

— Записала.

— Маринка, ты уверена, что хочешь отдать эти записи Антону завтра? Он прокурор. У него наставник Лозинский. Запись с Ириной — это одно, но если у тебя есть запись с самим Лозинским, он убьет твою лицензию быстрее, чем любая проверка.

— У меня есть копия у Славы. И у Никиты.

— У меня есть копия у мамы в Москве.

Я впервые за день засмеялась. Тихо, одним выдохом. Он тоже.

— Ложись. Завтра девять. Я приеду в восемь.

Он ушел. Я закрыла дверь, повернула ключ дважды, проверила ручкой. Дверь держалась. На подоконнике пакет из пекарни пахнул корицей, и я сняла его, выбросила в мусор под раковиной. Вернулась в кабинет, села за стол, открыла регистрационный лист и фотографии обрушения. До утра оставалось одиннадцать часов. У меня было две пленки, три листа и ключ от собственного бюро в верхнем ящике стола. На месте.

Утром я снова перемерила узел опирания сама. Два сантиметра, не полтора. Костя перемерил вчера трижды, я перемерила сегодня перед выходом. Два.

Никита привез меня в прокуратуру ровно в восемь двадцать, поставил машину напротив входа, не заглушил двигатель. Лена и Костя ждали внизу, на скамье под табличкой «Прием граждан». Я поднялась одна, встала у окна в коридоре. Казенная побелка, плакат о противодействии коррупции, запах того самого одеколона, который я узнавала с закрытыми глазами. Мне не хотелось входить в его кабинет первой. Хотелось, чтобы он сам открыл дверь и увидел, что я пришла не с пустыми руками.

В папке у меня лежали три листа. Регистрационный лист Светланы Ким с ночной пометкой. Расшифровка записи с Ириной, где та произносила «компенсация за беспокойство» и «пустяк по Северной Короне, решим за неделю». Расчет Кости по двум узлам опирания с расхождением защитного слоя бетона в два сантиметра.

Дверь открылась, и в коридор вышел Антон. Без пиджака, в одной рубашке с закатанными рукавами. Под мышкой тонкая папка, почти пустая. Он увидел меня и остановился в двух шагах. Глаза трезвые и злые.

— Марина Витальевна, прошу в кабинет.

Я вошла. Кабинет был его, и пах его одеколоном, и на стуле для посетителей лежала моя же брошюра трехлетней давности «Расчет узлов опирания в монолитных каркасах». Он не убрал ее. Или убрал и положил обратно.

Я села, положила папку на колени, не раскрывая.

— Антон Валерьевич, я пришла по повестке. Допрос ведете вы. Я отвечаю на ваши вопросы в рамках уголовного дела. Никаких «ты». Никаких старых разговоров. Если вы нарушите процедуру, я прекращу допрос и подам жалобу. Это понятно?

— Понятно. — Голос служебный, сухой. Ему было проще говорить со мной так. Он сел за стол, открыл протокол, записал дату, время, мои данные.

— Марина Витальевна, вы знакомы с материалами обрушения паркинга жилого комплекса «Северная Корона»?

— Да.

— Вы участвовали в экспертизе этого объекта два года назад?

— Да. Я подписывала акт освидетельствования скрытых работ по узлам опирания плиты перекрытия паркинга.

— В каком статусе?

— В статусе эксперта независимого экспертного бюро «Беляева и партнеры».

— Где сейчас находится подлинник вашего акта?

Я открыла папку и положила на стол первый лист.

— Вот копия регистрационного листа из городского архива. Подлинного акта в архиве нет. В деле лежит акт с другой подписью, меньшим классом арматуры и датой печати, которая не совпадает с датой регистрации. Подмену провели ночью. У меня есть копия с ночной пометкой.

Он взял лист, прочитал, положил рядом с протоколом. Пальцы на секунду сжали бумагу.

— Вы можете подтвердить подлинность этой копии?

— Могу. Передаю вам также расшифровку диктофонной записи от сегодняшнего утра. Дочь владельца застройщика Ирина Шеховцова предложила мне закрыть бюро на два месяца за компенсацию и не вмешиваться в «Северную Корону». Запись сделана легально, в ходе личного разговора, с моего согласия. И третий документ — расчет по двум узлам опирания с расхождением защитного слоя бетона в два сантиметра. Это занижение относительно проекта. Расчет выполнен инженером бюро, проверен мной лично вчера вечером и сегодня утром.

Я положила перед ним все три листа. Он посмотрел на них, потом на меня, и в его лице впервые за утро я увидела не служебный тон, а просьбу. Не прощения. Просьбу не уничтожать его этим утром. У него в папке лежал рапорт о невозможности работать под началом Виктора Лозинского. Он обещал подать его сегодня. Если он его подаст, через неделю он будет не прокурор, а представитель потерпевших.

— Марина Витальевна, вы передаете мне эти документы добровольно?

— Добровольно. Под подпись. С указанием времени передачи и вашего процессуального статуса.

Он кивнул, взял ручку, и я впервые увидела, как он пишет мою фамилию в протоколе как фамилию свидетеля, а не как фамилию бывшей жены.

— Марина, — сказал он тихо, когда я уже встала и взяла папку.

Я остановилась. Не обернулась.

— Марина Витальевна, — поправила я.

— Да. Марина Витальевна. Я подаю рапорт утром. Как обещал.

— Я знаю. До свидания, Антон Валерьевич.

Я вышла из кабинета, закрыла за собой дверь и пошла по коридору, не оглядываясь. На лестнице пахло казенной побелкой, и я считала ступеньки до первого этажа. У него в папке лежал рапорт, и через час у него не будет ни должности, ни наставника, ни права называть меня по имени. Останется только подпись под протоколом, в котором я впервые за два года прохожу по делу как свидетель, а не как его бывшая жена.

У выхода из прокуратуры ждал мокрый ветер. Я успела надеть капюшон, пока спускалась по лестнице, и все равно волосы прилипли к вискам. Левое плечо отдавало тупой болью: всю ночь я спала на нем вполоборота, держа телефон под подушкой, как будто это могло вернуть мне контроль над собственной жизнью.

Никита стоял у машины с термосом в руке. Светлые волосы слиплись от дождя, на куртке темнели пятна, и я вспомнила, что он приехал прямо из суда по искам жильцов. Лена и Костя ждали на скамье под козырьком, оба с папками на коленях, у Лены от холода покраснел кончик носа.

— Вовремя, — сказал Никита, открывая дверь.

Я не села сразу. Задержалась у бордюра, потому что из дверей прокуратуры вышел секретарь Лозинского с моим экземпляром протокола в пластиковом файле. Он протянул его без слов, как почтальон, и ушел под зонт. Я взяла файл, проверила печать, номер листа, свою подпись на последней странице. Подпись была ровная, без наклона, без той черты, которую я иногда не замечаю за собой, когда тороплюсь. Я сама ее поставила час назад.

— Маринка, — позвал Никита тише.

— Иду.

В машине пахло мятой и холодной кожей. Никита протянул мне термос, я отвинтила крышку. Чай был горький, без сахара, с привкусом того сорта, который он покупает в ларьке у вокзала. Я сделала один глоток и почувствовала, как горло отпускает.

Костя с переднего сиденья обернулся.

— Марина Витальевна, вы сейчас в бюро или домой?

— В бюро. Нужно сдать папки в архив до трех, потом встреча.

Лена поправила ремешок своей папки.

— Я могу забрать протокол из канцелярии, если хотите. Я знаю девочку на приеме, она отдаст без очереди.

— Спасибо, Лен. Не нужно. Я сама.

Я сказала это ровно, и сама услышала, как прозвучало. Не отказ, не приказ. Просто факт, что эту папку я не отпускаю из рук. В ней лежало мое первое появление в деле как свидетеля, а не как бывшей жены прокурора. Эту бумагу я должна положить в сейф сама, лично, своим ключом.

Никита тронулся. Дворники скрипели по стеклу, и я смотрела, как смазывается асфальт, как желтая линия разметки превращается в сплошную молочную полосу. На светофоре у моста мы стояли минуту. Я вспомнила, что утром не ела. В животе было пусто и звонко.

— У тебя есть что-нибудь, — спросила я, не оборачиваясь к Никите.

— Пирожки с капустой. Из маминой кухни. Я утром заехал.

Я не стала спрашивать, зачем он утром заехал к маме. И так понятно. Мама всегда чувствует, когда у меня суд, даже если я не говорю. Она никогда не звонит, только передает с Никитой.

— Дай один.

Он одной рукой полез в пакет на заднем сиденье, вытащил пирожок, протянул через плечо. Я откусила. Тесто было мягкое, с хрустящей корочкой, капуста кислая, с укропом. Я ела медленно, потому что вкус был первым за сутки, который я узнала как свой.

— Вкусно, — сказала я тихо, скорее пирожку, чем Никите.

Он хмыкнул, не отрывая глаз от дороги.

У бюро я попросила остановиться у служебного входа, чтобы не идти через двор мимо черной машины, если она снова стоит. Никита прижался к бордюру, я вышла с папкой в одной руке и термосом в другой. Костя подал мне Ленин зонт, я машинально взяла, зонт оказался тяжелый, с деревянной ручкой.

— Я подожду, — сказал Никита.

— Не нужно. Я буду до шести. Если что, позвоню.

Он кивнул, и я увидела в зеркале, как он смотрит мне вслед, пока дверь не закрылась.

В приемной горел свет. Дарина сидела за своим столом над чертежами, волосы собраны в хвост, на лбу красная полоска от резинки. Увидела меня, вскочила.

— Марина Витальевна, у меня расчеты по узлу опирания не сходятся с проектом. Там разница в площади сечения. Я все перепроверила три раза.

— Покажи.

Она разложила на столе два листа, свой и проектный. Я села рядом, повесила мокрое пальто на спинку стула. Между нами пахло ее духами, дешевыми, с яблоком, и чернилами от карандаша.

— Смотри. Вот здесь, — она ткнула пальцем, — у меня получается двенадцать квадратов. А по проекту шестнадцать. Я проверила арматуру по биркам, там класс А240, а в проекте А500.

— Правильно. Расхождение настоящее. Запиши его в журнал отклонений как критическое.

Она выдохнула, и я увидела, как у нее задрожали пальцы.

— Марина Витальевна, это ведь по «Северной Короне»?

— Да. Поэтому пиши аккуратно. Каждую цифру дважды проверь. Если в журнале будет ошибка, она всплывет в суде.

— Я понимаю, — сказала она, и голос у нее сел.

Я поднялась, прошла к себе. В кабинете все было как утром: фотографии обрушения на стене, фрагменты арматуры в коробке под окном, чашка с остатками кофе. Я закрыла дверь на верхний замок, прошла к сейфу, достала свой ключ. Тот самый, утренний, который я искала по всему бюро.

Сейф открылся с сухим щелчком. Я положила протокол в верхнюю секцию, копию рапорта Антона и копию постановления об обыске. Потом достала из бокового кармана регистрационный лист, который мне передала Светлана Ким, с ночной пометкой о замене. Положила его в файл, подписала файл «М-12/К, подлинник», вернула в сейф, закрыла на два оборота.

Ключ я положила не в верхний ящик стола. Положила во внутренний карман сумки, на молнии. Если кто-то снова захочет его спрятать, пусть ищет.

За стеной звякнул чайник. Запахло жасмином. Это Дарина заварила свой пакетик, у нее всегда жасмин, она считает, что он успокаивает. Я подумала, что надо бы ей сказать про чертежи школы в Кудрово, про первую самостоятельную подпись. Но не сегодня. Сегодня я не готова произнести это вслух, потому что это будет означать, что все кончилось. А оно не кончилось. Оно только начало говорить.

Я села за стол, открыла ноутбук, нашла в почте письмо от Гросса. Он подтверждал встречу в четыре, у него в конторе, по поводу передачи желтого конверта и анонимки под протокол осмотра. Я перечитала его письмо дважды, проверяя формулировки. Потом написала короткий ответ: «Буду. С собой паспорт, печать бюро, два чистых листа для протокола. Марина».

К четырем надо было успеть заехать домой, переодеться. В папке на столе лежал свежий запрос из лицензирующего органа, и я положила его в стопку «сегодня». Завтра будет Тамара Львовна, послезавтра суд. Я выключила ноутбук, встала, прошла к окну.

Двор был пуст. Ни черной машины, ни курток, только мокрый тополь и пустая скамейка, на которой утром сидели Лена и Костя. Я вспомнила, как Дарина утром положила ключ в горшок, и внутри снова что-то сжалось, но уже не больно, а как перед долгой дорогой. Я знала, что эту дорогу теперь придется идти пешком, без служебной машины, без чужого плеча рядом, без запаха его одеколона в коридоре. Я знала, что через час у Антона не будет должности, а у меня будет мой собственный протокол в моем собственном сейфе, под моим собственным замком.

Я взяла сумку, повесила каску на крючок у двери. Оранжевая, с ремешком, чуть помятая после руин. Она висела ровно, как всегда висела, и я подумала, что это, наверное, единственное, что в моей жизни за последние два года висит ровно.

Внизу Никита стоял у машины с термосом в руке. Лена и Костя ждали на скамье, оба с папками на коленях.

— Я всегда так делаю, — ответила я и села в машину.

Глава 6. Расчет несущей стены

Я перечитала собственный акт за 9:40 утра и впервые за неделю перестала торопиться. Кофе в моей кружке остыл ровно до той температуры, когда его можно пить, не обжигаясь. За окном бюро звонил трамвай, и этот звон совпадал с движением моей руки по строчке: подпись, дата, класс арматуры А500С, защитный слой двадцать миллиметров. Все правильно. Все на месте. Именно так я писала для «Северной Короны» два года назад, когда прораб Шеховцова положил передо мной папку с чертежами и сказал: «Марина Витальевна, тут все по проекту, распишитесь и поедem дальше». Я расписалась. Я доверяла.

В дверь постучали коротко, два раза. Так стучит только Лена, когда несет что-то тяжелое и боится уронить.

— Марин, я зашла к Косте в лабораторию. Он просит подпись под двумя образцами. И еще... — она поставила на стол жестяную коробку из-под печенья, в которой лежали куски арматурного прутка, — он говорит, ты должна это увидеть сама. Тут расхождение по защитному слою полтора сантиметра, а не миллиметра, как мы думали.

Я отставила кружку. Полтора сантиметра защитного слоя — это не описка. Это решение, которое принимает человек, понимающий, что плита ляжет на эти прутья. Кто-то поднял арматуру в каркасе перед заливкой, чтобы экономить на бетоне. Это серия, а не случайный брак.

— Где Костя сейчас?

— В лаборатории. Ждет тебя. Я ему сказала, что ты занята актом.

— Я уже не занята. Я закончила. — Я положила карандаш на строчку, которую перечитывала в десятый раз, и закрыла папку. — Поехали.

Мы спускались по лестнице, и Лена рассказывала, как Костя привез образцы из соседнего корпуса, где стоят те же серии, и как сравнил их с моим старым расчетом. Полтора сантиметра — это разница между классом А500 и фактически работающим А240. Не на бумаге, в бетоне. Это уже не «возможное расхождение», это «доказательство умысла». Если у защитного слоя меньше нормативного, прут ржавеет, трескается, теряет сцепление с бетоном. Плита становится тяжелее собственного веса за десять лет, а не за пятьдесят.

Костя сидел за лабораторным столом и чертил схему узла опирания. Увидев меня, он не встал — у него в руках был штангенциркуль.

— Марина Витальевна, смотри. Вот твой чертеж двухлетней. Вот то, что мы вырезали из обрушения. Вот образец из соседнего корпуса. Три разных класса, одна подпись в журнале работ.

Он положил передо мной три фотографии крупным планом. На одной — чистый прут с маркировкой завода. На второй — прут без маркировки, ржавый в местах загиба. На третьей — почти такой же, но с другим диаметром. Я узнала свой почерк на штампе: «А500С, d16, шаг 200». Только под штампом стояла подпись не моя. И дата не моя.

— Где ты взял третий образец? — спросила я тихо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.